Карлъ Каутскій.

Э. С...

Революціонныя перспективы.

(На современныя темы).

СОДЕРЖАНІЕ:

I). О задачахъ побѣдоноснаго пролетаріата.
II). Очаги революціи.
III). Политическая стачка.
1). Вооруженное возстаніе
2). Различные типы стачекъ.
3). Сила организаціи.
4). Условія успѣха политической стачки
5). Споры о политической стачки.
IV). С.—Д. и С.—Р. въ Россіи.

500

Цѣна 20 к.

КІЕВЪ.
Книгоиздательство „ПРАВДА“.
1906.

Оглавленіе.

стр.

I). О задачахъ побѣдоноснаго пролетаріата . . . . 5.

II). Очаги революціи . . . . 21.

III). Политическая стачка . . . . 40.

1). Вооруженное возстаніе . . . . 40.

2). Различные типы стачекъ . . . . 42.

3). Сила организаціи . . . . 47.

4). Условія успѣха политической стачки . . . . 56.

5). Споры о политической стачкѣ . . . . 65.

IV). С.—Д. и С.—Р. въ Россіи . . . . 69.

I. О задачахъ побѣдоноснаго пролетаріата.

Критика, которой товарищъ Люсня подвергаетъ мои брошюры о соціальной революціи, даетъ мнѣ желанный поводъ пополнить въ нѣкоторыхъ пунктахъ высказанное тамъ и опровергнуть нѣкоторыя неправильныя толкованія этихъ брошюръ.

Въ особенности въ толкованіяхъ второй части моей работы,—„На второй день послѣ революціи"—мнѣ приписали совершенно чуждые мнѣ взгляды. Я не имѣю въ виду говорить здѣсь о критикѣ гр. Бюлова и другихъ буржуазныхъ элементовъ, которые жалуются на то, что не разстаются съ моимъ „зеленымъ Бедекеромъ для путешествія въ страну Утопій", и тѣмъ не менѣе не могутъ оріентироваться въ нашемъ „государствѣ будущаго". Кто въ швейцарскихъ горахъ не чувствуетъ себя, какъ дома, тому не удастся достигнуть вершины, если онъ будетъ руководиться лишь одними указаніями своего Бедекера, а скорѣе сломитъ себѣ шею. Точно также никакой членъ буржуазныхъ классовъ не пойметъ нашихъ взглядовъ на будущее, если онъ не чувствуетъ себя, какъ дома. Нѣтъ такой нюрнбергской воронки, которая дала бы возможность журналистамъ, депутатамъ и имперскимъ канцлерамъ говорить со знаніемъ дѣла о соціализмѣ, не изучая основныхъ произведеній послѣдняго, и я очень далекъ отъ мысли заняться устройствомъ для нихъ такого приспособленія.

Эти статьи имѣютъ единственной цѣлью отвѣтить лишь на нѣкоторыя критическія замѣчанія, которыя были высказаны о моихъ брошюрахъ въ партійныхъ кругахъ. Многіе видѣли въ этихъ брошюрахъ утопію, изготовленную мною для грядущихъ поколѣній, модель, по которой должно быть построено будущее соціа-

листическое государство. Въ дѣйствительности, у меня не было ни малѣйшаго стремленія дать директиву для тѣхъ временъ, когда во всѣхъ соціальныхъ вопросахъ будутъ разбираться гораздо лучше, чѣмъ въ настоящее время разбирается самый проницательный изслѣдователь: въ распоряженіи этихъ будущихъ поколѣній будетъ историческій опытъ всего періода отъ нашего времени до эпохи революціи. Цѣль, которую я себѣ ставилъ, когда писалъ эти брошюры, была чисто практическая—принять участіе въ тѣхъ спорахъ, которые въ послѣдніе годы ведутся въ нашихъ рядахъ.

Противоположность между ревизіонизмомъ и послѣдовательнымъ или „ортодоксальнымъ" марксизмомъ не состоитъ по моему мнѣнію въ противоположности между пессимизмомъ и оптимизмомъ или въ ожиданіи медленнаго или быстраго темпа развитія; она не состоитъ также въ противоположности между охватывающей далекіе горизонты теоріей и мелкой будничной работой: во всѣхъ этихъ противопоставленіяхъ можно найти частицу основной противоположности между обоими теченіями, но не это опредѣляетъ ихъ историческое значеніе.

Противоположность вытекаетъ изъ современной намъ исторической ситуаціи. Она продуктъ прогресса соціальдемократіи. Послѣдняя почти во всей Европѣ уже пережила ту первоначальную стадію революціонной партіи, когда приходится бороться единственно за то, чтобы ее терпѣли. Теперь она уже стала силой. И вотъ выдвигается важный вопросъ: должны-ли мы, превратившись въ могучую партію, оставаться тѣмъ-же, чѣмъ были до сихъ поръ, или же сила, которой мы теперь обладаемъ, ставитъ предъ нами новыя задачи, требуетъ отъ насъ новой тактики? До сихъ поръ мы говорили, что, только завоевавъ средства власти современнаго государства, мы можемъ освободить пролетаріатъ. Должны-ли мы и впредь руководиться этимъ основнымъ положеніемъ? Это значитъ, что мы должны практически вступить въ борьбу за обладаніе политической властью, потому что мы сдѣлались уже слишкомъ сильными, чтобы и впредь считать наше стремленіе къ этой власти чисто платоническимъ. Однако, если мы слишкомъ сильны, чтобы добиваться политической власти только теоретически, то мы еще не достаточно сильны, чтобы завладѣть ею фактически. Положеніе чрезвычайно трудное. Но нѣтъ-ли возможности выйти изъ положенія путемъ отказа отъ борьбы за политическую власть? Нельзя-ли обойтись безъ такой борьбы? Не придемъ-ли мы, наконецъ, скорѣе къ практическимъ резуль-

татамъ, если мы войдемъ въ существующій государственный организмъ одной изъ поддерживающихъ его партій и, такимъ образомъ, воспользуемся всѣми предоставляемыми этимъ выгодами вмѣсто того, чтобы до дня революціи ограничиваться сухимъ хлѣбомъ оппозиціи?

Таковъ ходъ мысли ревизіонизма. Въ противоположность этому, я пытаюсь въ первой части моей брошюры показать, что пролетаріатъ не можетъ освободиться безъ завоеванія политической власти; что всѣ практическіе успѣхи, достигаемые пролетаріатомъ путемъ соціальныхъ реформъ и организаціи, хотя и дѣлаютъ его болѣе способнымъ къ борьбѣ, но нисколько не смягчаютъ противоположности интересовъ пролетаріата и капиталистическаго класса; напротивъ, эта противоположность скорѣе все болѣе будетъ возрастать до тѣхъ поръ, пока въ рѣшительный моментъ у капиталистическаго класса не будетъ отнята политическая власть.

Во второй части доказывается, что тамъ, гдѣ пролетаріатъ завладѣлъ политической властью, осуществленіе соціалистическаго производства есть естественная необходимость даже въ томъ случаѣ, если пролетаріатъ еще не развился до соціалистическаго мышленія. Его классовые интересы и экономическая необходимость вынуждаютъ его принять мѣры, которыя ведутъ къ соціалистическому производству.

Завоеваніе политической власти—альфа и омега обѣихъ брошюръ: не овладѣвъ правительственной властью, мы не приблизимся къ уничтоженію классовъ и классовыхъ противорѣчій; но разъ пролетаріатъ овладѣетъ политической властью, соціализмъ осуществляется самъ собой.

Доказать это,—было задачей моихъ брошюръ. Если это удалось, то онѣ разрѣшили въ высшей степени важную для нашего времени задачу. Это замѣтили и ревизіонисты, и поэтому ихъ критика оказалась довольно уклончивой, что съ ихъ точки зрѣнія вполнѣ разумно. Впрочемъ, такого рода уклоненія чаще всего дѣлались совершенно инстинктивно и далеко не всегда являлись результатомъ яснаго пониманія.

Такъ, напримѣръ, сотрудникъ „Münchener Post" въ своемъ хвалебномъ отзывѣ о брошюрѣ Штейнганса замѣчаетъ: „этотъ авторъ постоянно слѣдуетъ одному и тому-же методу: раскрывать противорѣчія (Каутскаго) при помощи фактовъ, причемъ въ надлежащихъ мѣстахъ у него нѣтъ недостатка въ здоровомъ юморѣ. Такъ, напримѣръ, онъ заставляетъ Каутскаго опровергать са-

мого себя, доказывая, что *реформистскія* предложенія, дѣлаемыя Каутскимъ въ „На другой день послѣ революціи“, представляютъ ничто иное, какъ то, чего желаютъ вообще, и при томъ *уже для нашего времени*, столь ославленныя ревизіонисты,—*преобразованія*“. Со стороны ревизіонистовъ, конечно, очень хорошо, что они цѣликомъ принимаютъ мои „реформистскія предложенія“: экспропріацію капиталистическаго класса, сокращеніе рабочаго дня до пяти часовъ при одновременномъ удвоеніи или даже утроеніи заработной платы и. т. д. А ихъ несогласіе ждать до революціи и желаніе осуществить все это уже въ настоящую минуту совершенно ясно доказываетъ, что ревизіонисты, въ сущности, гораздо радикальнѣе меня. Юмористическимъ-же опроверженіемъ моихъ положеній моими собственными словами и раскрытіемъ моихъ противорѣчій путемъ неопровержимыхъ фактовъ, очевидно, должно спужить то, что ревизіонисты не только *желаютъ*, но вполнѣ серьезно *вѣрятъ* въ осуществимость всѣхъ этихъ прекрасныхъ вещей еще *до революціи*, т. е. при *буржуазномъ правительствѣ*.

Серьезнѣе критика, которой подвергаетъ вторую часть моей брошюры Люсня. Но и эта критика также исходитъ изъ ошибочнаго предположенія, что моя статья имѣетъ цѣлью развить революціонную программу соціальдемократіи и выставить тѣ требованія, которыя соціальдемократія намѣрена осуществить послѣ своей побѣды. Въ этомъ отношеніи онъ сравниваетъ выводы моей брошюры съ революціонной программой коммунистическаго манифеста. Но у меня не было ни малѣйшаго намѣренія даже дать набросокъ такой программы. Соціальдемократія уже установила въ своей программѣ, чего она желаетъ. Путь, который она изберетъ для проведенія своей программы, какъ только она завоюетъ необходимую для этого власть, уже намѣченъ отчасти этой программой. Поскольку же этотъ путь зависитъ отъ еше непознанныхъ факторовъ, разсуждать объ ихъ значеніи было бы теперь совершенно безцѣльнымъ мудрствованіемъ.

Цѣль моихъ брошюръ, я уже говорилъ, совсѣмъ иная. Я хотѣлъ изслѣдовать, какіе результаты должны съ *необходимостью* получиться изъ политическаго господства пролетаріата, въ силу его классовыхъ интересовъ и потребностей производства, независимо отъ того, каковы основоположенія теоріи, которыхъ онъ будетъ придерживаться въ день своей побѣды. Я поэтому умышленно оставилъ въ сторонѣ именно вліяніе на пролетаріатъ соціалистическихъ ученій. Въ началѣ моего изслѣдованія я вполнѣ

опредѣленно ставлю вопросъ: что начнетъ дѣлать со своей властью побѣдоносный пролетаріатъ? „Не что онъ *пожелаетъ дѣлать*, основываясь на той или иной теоріи и настроеніи, а что онъ *долженъ* будетъ дѣлать, побуждаемый своими классовыми интересами и экономической необходимостью“.

Повидимому, однако, я недостаточно выяснилъ этими словами мою задачу, такъ какъ всѣ мои критики изумлены, а нѣкоторые даже, какъ „Gaylord Wilshires“ въ своемъ ежемѣсячникѣ („Wilshires magazine“ май 1903) разочарованы и возмущены тѣмъ, что я во главѣ экономическихъ требованій, которыя при всякихъ условіяхъ долженъ будетъ предпринять побѣдоносный пролетаріатъ, ставлю не обобществленіе средствъ производства, а широкую поддержку безработныхъ, и полагаю, что только это послѣднее повлечетъ за собой обобществленіе средствъ производства. Они, очевидно, просмотрѣли, что я и самъ говорю: „извѣстно, что соціальдемократія, какъ только она очутится у кормила правленія, прежде всего будетъ стремиться къ такого рода рѣшенію (обобществленію средствъ производства)“. Но моя задача заключалась не въ выясненіи того, что соціальдемократія требуетъ: это я могъ принять, какъ уже извѣстное. Я хотѣлъ показать, что побѣдоносный пролетаріатъ, даже не соціалистически мыслящій, будетъ вынужденъ логикой фактовъ найти нужные для развитія соціализма пути.

Если я въ числѣ такихъ формъ прежде всего указалъ на поддержку безработныхъ, то руководствовался при этомъ не чисто абстрактными соображеніями, а наблюденіемъ вполнѣ конкретныхъ условій.

Чтобы найти конкретное основаніе для моего предположенія о побѣдоносномъ, но не соціалистически—мыслящемъ, пролетаріатѣ, я долженъ былъ выйти изъ предѣловъ германскаго, романскаго и славянскаго пролетарскаго движенія.

Одно только англо-саксонское движеніе даетъ нѣкоторыя основанія для моихъ предположеній. Разумѣется, невѣроятно, чтобы не соціалистически мыслящій пролетаріатъ овладѣлъ политической властью. Какъ могъ бы онъ добыть эту власть, не вступая въ конфликтъ съ буржуазными партіями, и какъ могъ бы онъ освободиться отъ буржуазнаго мышленія, не придя къ соціалистическому?

Допустимъ, однако, что мы имѣемъ въ Англіи не соціалистическую радикальную рабочую партію, по образцу австралійской; допустимъ, что эта партія на выборахъ въ парламентъ получила

большинство, вслѣдствіе чего буржуазныя партіи немедленно удаляются отъ власти и предоставляютъ ее побѣдоносной рабочей партіи. Словомъ, развитіе идетъ такъ, что даже господа Бартъ и Науманъ не могли бы ничего имѣть противъ него. Что этотъ новый режимъ прежде всего сдѣлаетъ и долженъ будетъ сдѣлать?

Навѣрное, окажетъ достаточную поддержку безработнымъ. Этого не станетъ отрицать никто изъ знающихъ англійскаго рабочаго. Послѣдній чуждъ всякимъ теоріямъ, интересуется только ближайшимъ и для каждаго времени выставляетъ лишь одно какое нибудь требованіе. Исходя изъ этого, англійскіе соціалисты два десятка лѣтъ трудились надъ привлеченіемъ рабочихъ къ соціализму путемъ „практической политики", выдвигая то или другое единичное практическое требованіе. Но ни такія политическія требованія, какъ требованіе всеобщаго избирательнаго права или упраздненія палаты лордовъ, ни такія экономическія, какъ переходъ въ руки государства желѣзныхъ дорогъ и горныхъ промысловъ, ни даже законъ о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ — не въ состояніи были вывести изъ летаргіи англійскаго рабочаго. Только. однажды, между 1885 и 1890 г., удалось англійскимъ соціалистамъ пріобрѣсти нѣсколько большее вліяніе на англійскій пролетаріатъ. И время, когда соціалисты занимали руководящее мѣсто въ борьбѣ за государственную и муниципальную поддержку безработныхъ, — было временемъ крайней безработицы.

Замѣчательно, что и Гарольдъ Вальштейръ ждетъ, что въ Америкѣ рабочія массы обратятся къ соціализму вслѣдствіе возрастанія безработицы, неизбѣжной въ силу начинающагося тамъ кризиса.

Безработица—самый страшный бичъ, который гонитъ даже совсѣмъ не отдающихъ себѣ отчета рабочихъ, если только ихъ энергія не притуплена окончательно, къ ожесточенной борьбѣ съ современнымъ режимомъ, потому что этотъ режимъ обнаруживаетъ свою полную неспособность и даже нежеланіе энергично дѣйствовать противъ безработицы. И если безработица сильнѣе всего поражаетъ неорганизованныхъ и плохо оплачиваемыхъ рабочихъ,—то и другое взаимно обусловлено,—то она также грозитъ серьезными жертвами профессіонально-организованнымъ рабочимъ и даже самимъ профессіональнымъ союзамъ.

Никакой профессіональный союзъ даже приблизительно не можетъ выдавать безработнымъ въ видѣ пособія полной платы, никакой союзъ не можетъ дальше опредѣленнаго времени помогать безработнымъ; всякій союзъ вынужденъ, по мѣрѣ расширенія

безработицы, сильно повышать и взносъ работающихъ. Требуя такихъ жертвъ отъ профессіональныхъ союзовъ, растущая безработица грозитъ парализовать способность союзовъ сопротивляться предпринимателямъ.

Такимъ образомъ, борьба съ происходящей отъ безработицы нуждой становится тѣмъ моментомъ, когда даже „реально-политически" мыслящій рабочій, кругозоръ котораго ограничивается ближайшими нуждами, освобождается отъ буржуазнаго мышленія и выходитъ за предѣлы буржуазнаго общества, не желающаго и неспособнаго найти серьезныя средства противъ этой нужды.

Поэтому то мы можемъ быть увѣрены, что побѣдоносный пролетаріатъ, хотя бы онъ и не былъ склоненъ къ соціализму, навѣрное употребитъ всѣ средства, чтобы оказать достаточную поддержку безработнымъ.

Въ концѣ концовъ, и Люсня приходитъ къ такому же выводу, когда говоритъ: „На другой день послѣ завоеванія политической власти, пролетарская партія должна немедленно и безусловно уничтожить нищету, обезпечивъ каждому желающему раротать, а также инвалидамъ—минимумъ средствъ существованія".

Это вполнѣ соотвѣтствуетъ моему взгляду. Когда Люсня, полемизируя со мной, замѣчаетъ, что безработица не можетъ быть уничтожена, пока производство не будетъ организовано государствомъ, и что эта организація производства должна предшествовать уничтоженію безработицы, то я и съ этимъ вполнѣ соглашаюсь. Да это и не можетъ служить возраженіемъ мнѣ, такъ какъ въ критикуемомъ мѣстѣ я говорю лишь о „достаточной *поддержкѣ* всѣмъ безработнымъ", а не объ *уничтоженіи* безработицы. Это совершенно различныя вещи. Поддержка трудоспособныхъ, но безработныхъ рабочихъ имѣетъ смыслъ лишь до тѣхъ поръ, пока невозможно еще уничтожить безработицу.

Сама по себѣ широкая государственная поддержка безработныхъ, если даже она проводится побѣдоноснымъ пролетаріатомъ, еще очень невинная реформа и вполнѣ совмѣстима съ буржуазнымъ обществомъ. Но буржуазныя партіи очень хорошо знаютъ, почему онѣ не удовлетворяютъ этого требованія: оно заставитъ итти гораздо дальше. Разъ каждому безработному обезпеченъ минимумъ средствъ существованія, забастовки дѣлаются непреодолимыми, и рабочіе становятся дѣйствительными господами фабрики. Въ такомъ случаѣ право частной собственности на средства производства теряетъ всякій смыслъ. Отвѣтственность за предпріятіе и рискъ продолжаютъ падать на капиталиста, но

правомъ управленія и эксплоатаціи онъ уже не пользуется. При такомъ положеніи обобществленіе средствъ производства становится необходимостью, которую капиталисты при вышеуказанныхъ условіяхъ чувствуютъ, пожалуй, еще сильнѣе, чѣмъ рабочіе. Продолженіе производства на капиталистическихъ началахъ дѣлается невозможнымъ.

Но и въ другомъ отношеніи поддержка безработныхъ заставляетъ итти дальше. Разъ каждому рабочему гарантированъ минимумъ средствъ существованія, то заработная плата должна быть выше этого минимума, а рабочее время должно быть сокращено, если хотятъ вызвать въ рабочихъ то сильное стремленіе къ работѣ, которое необходимо для процесса производства.

Въ настоящее время уровень заработной платы, если и поднимается выше минимума средствъ существованія, то лишь незначительно; чаще онъ совпадаетъ съ этимъ минимумомъ и даже бываетъ ниже его. Чтобы при достаточной поддержкѣ безработныхъ былъ обезпеченъ дальнѣйшій ходъ производства, требуется не только обобществленіе средствъ производства, но и значительное повышеніе современной заработной платы при одновременномъ сокращеніи рабочаго дня. Но это возможно только при самомъ быстромъ упраздненіи нераціональныхъ мелкихъ предпріятій и при концентраціи производства въ наиболѣе продуктивныхъ предпріятіяхъ тѣхъ отраслей промышленности, гдѣ крупное производство технически возможно. Если извѣстная степень развитія крупной промышленности необходимо предшествуетъ господству пролетаріата въ обществѣ, то это должно привести къ полному исчезновенію мелкихъ предпріятій въ большинствѣ областей производства.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что естественно необходимымъ слѣдствіемъ политическаго господства пролетаріата являются основы соціалистическаго производства даже и въ томъ случаѣ, если побѣдоносный пролетаріатъ и не дошелъ еще до яснаго соціалистическаго сознанія. Разница только та, что онъ пришелъ бы окольными путями послѣ разнообразныхъ экспериментовъ, подъ натискомъ необходимости и даже, можетъ быть, нужды къ той цѣли, куда соціальдемократія вполнѣ сознательно стремится съ самаго начала.

Противъ необходимаго повышенія заработной платы, Люсня приводитъ, всетаки, рядъ соображеній.

Я считаю возможнымъ такое повышеніе заработной платы лишь при значительномъ подъемѣ производства. Самымъ быстрымъ и дѣйствительнымъ средствомъ для достиженія этого подъема мнѣ представляется уничтоженіе множества нераціональныхъ предпріятій, съ плохо оборудованными средствами производства, и концентрація рабочихъ въ предпріятіяхъ, наилучше оборудованныхъ и наиболѣе производительныхъ, гдѣ могли бы найти себѣ работу двойное или тройное противъ теперешняго число рабочихъ при соотвѣтствующемъ числѣ рабочихъ смѣнъ (безъ ночной работы и при значительномъ сокращеніи рабочаго дня).

На это Люсня возражаетъ: „Какъ возможно практически осуществить такую концентрацію, такое перемѣщеніе милліоновъ рабочихъ въ небольшое число крупнѣйшихъ фабрикъ и заводовъ?“ Онъ ссылается на приведенный мною же примѣръ о сконцентрированіи теперешнихъ 200,000 предпріятій текстильной промышленности въ 3000 колоссальныхъ предпріятій и замѣчаетъ: „3000 такихъ колоссальныхъ фабрикъ были бы гораздо менѣе разбросаны, чѣмъ 200,000 предпріятій этой отрасли промышленности въ настоящее время. Какая огромная и сложная проблемма передвиженія и жилищъ! Въ одной только текстильной промышленности мы имѣемъ дѣло съ сотнями тысячъ рабочихъ!“

Нѣтъ сомнѣнія, предъ нами здѣсь проблемма. Но не станетъ же Люсня утверждать, что это неразрѣшимая проблемма. Если подумать только, какія массы уже теперь капитализмъ изъ года въ годъ заставляетъ передвигаться, если подумать о странствующихъ рабочихъ, о приливѣ польскихъ рабочихъ въ угольныя копи западной Германіи, объ эмиграціи и. т. п., тогда указанная Люсней проблемма много потеряетъ во своей величинѣ и сложности.

Примемъ также въ соображеніе, что крупныя и мелкія предпріятія одной и той же отрасли промышленности нерѣдко расположены такъ близко другъ отъ друга, что рабочіе могутъ тамъ переходить изъ мелкихъ предпріятій въ крупныя, не совершая большого путешествія. Такъ, напримѣръ, въ Рейсѣ на пространствѣ 300 кв. километровъ, 44% всѣхъ рабочихъ текстильной промышленности (5371 изъ 12165) заняты въ 20-ти самыхъ большихъ предпріятіяхъ съ болѣе 200 человѣкъ въ каждомъ; 33% (4061) въ 39 предпріятіяхъ съ 50 до 200 человѣкъ въ каждомъ; 22, 5% (2733) въ 956 меньшихъ предпріятіяхъ. Вопросъ о транспортѣ и жилищахъ, нужныхъ, чтобы сконцентрировать въ большихъ предпріятіяхъ эти 56 процентовъ рабочихъ

труда, къ прежнимъ потребностямъ присоединяются новыя. Для опроверженія мысли, что удвоеніе или утроеніе заработной платы не осуществится изъ-за невозможности соотвѣтственнаго расширенія потребленія, впрочемъ нѣтъ надобности ссылаться на образованіе новыхъ потребностей. Утроеніе средней заработной платы при неизмѣнно остающихся цѣнахъ продуктовъ - поставило бы средній уровень жизни пролетарія на высоту уровня жизни современнаго скромнаго буржуа, дало-бы пролетарію только возможность удовлетворить тѣ потребности, съ которыми онъ такъ или иначе уже познакомился; такая плата все таки не давала бы ему повода къ какимъ нибудь экстравагантнымъ желаніямъ.

Итакъ, съ какой стороны не разсматривать разсужденія Люсни, они оказываются неосновательными.

На другія возраженія по поводу того, что я считаю неизбѣжнымъ результатомъ пролетарскаго режима, мнѣ не приходилось наталкиваться.

II. Очаги революціи.

Возраженія противъ поддержки безработныхъ и быстраго расширенія производства для Люсни только второстепенныя вещи. Самимъ худшимъ въ моей брошюрѣ ему кажется полнѣйшее игнорированіе польскаго вопроса. Какъ можно разсуждать о революціи, не говоря о Польшѣ! Товарищъ-же Вальтейръ въ своей критикѣ съ упрекомъ замѣчаетъ, что я разсуждаю такъ, какъ будто-бы не существовало Соединенныхъ Штатовъ.

Оба упрека уничтожаютъ другъ друга. Изслѣдуя американскую революцію, я не могъ-бы притянуть сюда Польшу, а рѣшая польскій вопросъ, не могъ-бы имѣть въ виду Америки. Да, я съ самаго начала не намѣревался дѣлать ни того, ни другого, такъ какъ это не соотвѣтствовало бы цѣли моей брошюры.

Моя задача состояла въ томъ, чтобы изслѣдовать важныя для нашей современной дѣятельности проблеммы будущаго и средства ихъ разрѣшенія, насколько такое изслѣдованіе доступно наукѣ. Если я не хотѣлъ изъ области науки попасть въ область утопіи, если я хотѣлъ избѣжать опасности на мѣсто необходимаго поставить желательное, то я долженъ былъ ограничиться самыми простыми тенденціями, общими для всѣхъ капиталистическихъ націй, и вытекающими изъ нихъ выводами. Только эти тенденціи и можно установить съ нѣкоторой точностью для значительнаго промежутка времени, опираясь на предоставляемые современной дѣйствительностью факты.

Если-же мы, напротивъ, перейдемъ къ конкретнымъ формамъ, какія принимаетъ развитіе отдѣльныхъ націй, то мы столкнемся съ такими сложными явленіями, что нельзя, хотя-бы съ нѣкоторой увѣренностью, даже для ближайшаго времени

предвидѣть результаты безчисленныхъ другъ на друга вліяющихъ факторовъ, которые надо принять во вниманіе.

Весной я могу съ полной увѣренностью сказать, что въ концѣ года снова наступитъ зима, но я могу только съ нѣкоторой вѣроятностью предсказать погоду слѣдующаго дня, да и то лишь въ томъ случаѣ, если я опытный и ученый метереологъ, прекрасно знакомый съ послѣдними метереологическими явленіями; но я совершенно не могу предсказать погоды слѣдующаго мѣсяца.

Нѣчто подобное наблюдается и въ политикѣ. Если я нахожу, что во всѣхъ капиталистическихъ странахъ классовыя противорѣчія обостряются, что пролетаріатъ не можетъ освободиться безъ завоеванія политической власти, что это завоеваніе, какими-бы намѣреніями и ожиданіями оно ни сопровождалось, съ естественной необходимостью ведетъ къ соціалистическому производству,—то я этимъ не выхожу за предѣлы научнаго изслѣдованія. Конечно, этимъ еще не доказывается, что результатъ его будетъ вѣренъ: вѣрность выводовъ зависитъ отъ метода и данныхъ, при помощи которыхъ сдѣланъ выводъ. Но придти относительно этихъ вопросовъ къ научно-обоснованному результату все-же возможно.

Эта возможность ослабѣваетъ по мѣрѣ того, какъ изслѣдованіе обращается къ индивидуальному развитію отдѣльныхъ націй. Каждая нація имѣетъ за собой особый путь, по которому она шла, стоитъ на не одинаковой высотѣ развитія, находится подъ вліяніемъ своихъ сосѣдей и т. д. Если общій путь развитія всѣхъ націй одинъ и тотъ же, не можетъ не быть однимъ и тѣмъ же, то путь развитія, который предстоитъ каждой націи,—особый; предъ каждой націей открыты всѣ разнообразные пути индивидуальнаго развитія. Отсюда, однако, не слѣдуетъ, что мы не должны заниматься и этими вопросами, что мы и въ этихъ вопросахъ не можемъ придти къ нѣкоторымъ общимъ выводамъ.

Всякій политикъ, который не желаетъ плестись постоянно въ хвостѣ событій, но хочетъ самъ на нихъ оказывать опредѣленное вліяніе, долженъ стараться уяснить себѣ вѣроятности и возможности, присущія особому пути развитія націи, въ средѣ которой онъ дѣйствуетъ. Вѣдь его дѣйствія только тогда будутъ имѣть успѣхъ, когда его стремленія будутъ проявляться въ томъ-же самомъ направленіи, въ какомъ идетъ и этотъ особый путь развитія; этотъ путь такъ же обусловленъ необходимостью, какъ и путь всеобщаго развитія, но необходимость его не такъ

легко познается. Нѣтъ ничего пагубнѣе того презрѣнія ко всякой дальновидности въ политикѣ, ко всякому предсказыванію, которымъ отличаются нынѣшніе фанатическіе приверженцы политики момента и политики исключительно малыхъ дѣлъ. Политикъ—практикъ, если онъ хочетъ достигнуть успѣха, долженъ такъ-же, какъ и теоретикъ-соціалистъ, стараться бросить взглядъ въ будущее; приметъ-ли такое предвидѣніе форму пророчества, это зависитъ отъ его темперамента. Но при этомъ онъ, конечно, всегда долженъ ожидать появленія новыхъ неожиданныхъ факторовъ, которые могутъ итти вразрѣзъ съ его расчетами и дать новое направленіе развитію; въ силу этого онъ долженъ быть готовъ соотвѣтственнымъ образомъ измѣнять свою тактику.

Изслѣдовать общій путь совершающагося соціальнаго и политическаго развитія капиталистическаго общества и путь такого развитія въ отдѣльной странѣ—двѣ совершенно различныя задачи. Изслѣдованіе второго рода возможно только при рѣшеніи первой задачи, въ противномъ случаѣ, если соединяютъ обѣ задачи вмѣстѣ и хотятъ ихъ одновременно изслѣдовать, можетъ получиться только путаница.

Вотъ причина, почему моя глава о „формахъ и оружіи соціальной революціи“, какъ выражается Люсня, „есть нѣчто недоговоренное и производитъ впечатлѣніе половинчатости и робости мысли“. Онъ глубоко ошибается, полагая, что подмѣтилъ здѣсь „скрытое вліяніе той еще и нынѣ господствующей и непережитой стадіи пролетарскаго движенія, когда о революціи и о рѣшительной борьбѣ могутъ думать и думаютъ только неохотно и не безъ боязни“.

Изслѣдованіе возбужденныхъ Люсней вопросовъ не входитъ въ рамки моей статьи, но у меня нѣтъ никакого основанія пройти мимо нихъ. Никакого ущерба не будетъ, если при случаѣ заняться и этими вопросами. Но тогда нужно помнить, что въ этомъ случаѣ дѣло будетъ итти уже не о тѣхъ тенденціяхъ развитія, которыя признаются *необходимыми*, а только лишь о тенденціяхъ *возможныхъ*, болѣе или менѣе *вѣроятныхъ*.

Люснѣ, конечно, кажется, что польскій вопросъ неизбѣжно связанъ со всякой формой революціи и притомъ одинаково связанъ. Онъ стоитъ еще на старой точкѣ зрѣнія прежней демократіи, которой придерживались прежде Марксъ, Энгельсъ и Либкнехтъ. Тогда говорили, что на пути западно европейской революціи стоитъ реакціонная Россія, парализовать которую является необходимостью для каждой революціи. Лучшимъ спо-

собомъ для этого является возстановленіе самостоятельной Польши. Это возстановленіе Польши и европейская революція обусловливали другъ друга, неразрывно связывались между собой, и каждый польскій патріотъ, по мнѣнію старой демократіи, являлся борцомъ революціонной арміи Европы.

Само собой понятно, что такая точка зрѣнія была законна до тѣхъ поръ, пока не существовало революціонной Россіи и не было борющагося польскаго пролетаріата. Появленіе послѣдняго порядочно охладило увлеченіе большинства непролетарской Польши европейской революціей. Напротивъ того, усилившееся въ Россіи революціонное движеніе дало возможность вступить въ борьбу съ абсолютизмомъ въ его собственной странѣ и этимъ въ высшей степени ослабило возможность подавленія этимъ абсолютизмомъ западно европейской революціи, подобно тому какъ это было въ 1848 году. Абсолютизмъ съ трудомъ обороняется теперь самъ отъ натиска собственныхъ возлюбленныхъ подданныхъ, опираясь на поддержку западно-европейскихъ капиталистовъ. Если въ Западной Европѣ побѣдоносная революція поставитъ на мѣсто капиталистовъ пролетаріатъ, то не только исчезнетъ поддержка абсолютизма со стороны капиталистовъ, но, напротивъ, эту поддержку получатъ борцы противъ абсолютизма. Тогда для абсолютизма не будетъ спасенія, онъ долженъ будетъ пасть, если только его раньше не постигнетъ эта участь. Какая же необходимость и послѣ этого возстановлять Польшу для спасенія дѣла революціи?

Потому-то польскій вопросъ имѣетъ иное значеніе теперь, чѣмъ 30 лѣтъ назадъ. Понятія „соціализмъ“, даже „демократія“ включаютъ принципъ народнаго суверенитета, самостоятельности и независимости каждаго народа. Изъ этого само собой вытекаетъ, что побѣдоносная европейская революція дастъ толчекъ къ возстановленію самостоятельной польской республики. Но для дѣла революціи это не существеннѣе рѣшенія другихъ національныхъ вопросовъ, оставляемыхъ буржуазнымъ режимомъ въ наслѣдство пролетаріату, какъ, напримѣръ, возстановленіе чешскаго національнаго государства, въ составъ котораго вошли-бы и словаки, или объединеніе сербовъ въ одно государственное цѣлое, или объединеніе Тріента съ Италіей.

Конечно, отъ этого не исчезаютъ для германской соціальдемократіи причины стремиться къ дружественнымъ отношеніямъ съ польскими товарищами. Она не только должна уважать національное чувство поляковъ, но и хорошо сдѣлаетъ, если будетъ

до извѣстной степени считаться съ ихъ національной чувствительностью. Пролетаріату небольшихъ раздробленныхъ національностей, живущихъ подъ вѣчной угрозой порабощенія, свойственна часто выходящая за предѣлы здороваго національнаго чувства особая національная болѣзненная чувствительность, которая легко видитъ подавленіе тамъ, гдѣ при полномъ равноправіи есть только преобладаніе большинства надъ меньшинствомъ. Это создаетъ не всегда пріятное положеніе, но пролетаріатъ такой большой и мощной націи, какъ германская, уже изъ принципа noblesse oblige долженъ дѣлать иногда уступки, переходя границы теоретически-дозволеннаго, изъ вниманія къ національной раздражительности своихъ болѣе слабыхъ, сильнѣе угнетенныхъ сосѣдей. Эти уступки, конечно, не должны заходить такъ далеко, чтобы это могло повредить единству организаціи и дѣйствія партіи.

Однако исключительное положеніе, которое занимала Польша, какъ брустверъ революціи противъ Россіи, прекратилось, и вмѣстѣ съ этимъ пало всякое основаніе включать польскій вопросъ въ общее изслѣдованіе грядущей революціи.

Но есть еще причина, вслѣдствіе которой польскій вопросъ не вошелъ въ рамки моей брошюры. Доводы Люсни исходятъ изъ того предположенія, что ближайшая революція начнется въ Германіи, пожалуй даже въ самомъ Берлинѣ. Это, конечно, не невозможно, но это одна изъ множества возможностей и при томъ вовсе не наиболѣе вѣроятная. Цѣлый рядъ государствъ стоитъ нынѣ гораздо ближе къ революціи, чѣмъ Германія, несмотря на быстроту экономическаго развитія послѣдней и роста въ ней соціальдемократіи. Германское правительство теперь еще самое сильное въ мірѣ. Къ его услугамъ сильнѣйшая, хорошо дисциплинированная армія и бюрократія, и ему противостоитъ спокойное и миролюбивое населеніе, чуждое революціонныхъ традицій. Конечно, и въ Германіи можно себѣ представить правительство, которое стало-бы достаточно безумно хозяйничать, чтобы дезорганизовать армію и бюрократію, привести массу населенія въ отчаяніе, и при этомъ втянуть имперію въ какую-нибудь авантюру, столь-же безполезную, сколько богатую жертвами и, можетъ быть, даже позорную.

Конечно, подобныя дѣйствія вызвали-бы возмущеніе даже въ нѣмецкомъ народѣ. Можно и теперь уже найти нѣкоторые признаки этого, въ дальнѣйшихъ-же глупостяхъ не будетъ недостатка,

благодаря увеличивающейся жадности и банкротству юнкеровъ, страху предъ растущей соціальдемократіей, обостренію классовыхъ противорѣчій между капиталомъ и трудомъ и также благодаря росту имперіализма у всѣхъ націй и увеличивающейся вмѣстѣ съ тѣмъ опасности военнаго конфликта. Но должно ужъ очень много накопиться, чтобы иниціатива ближайшей революціи исходила отъ нѣмецкой націи.

Гораздо ближе Германіи стоитъ къ революціи ея восточная сосѣдка. Люсня предостерегаетъ насъ противъ переоцѣнки революціонной силы русскаго пролетаріата. Но нужно также остерегаться и недооцѣнки ея. Это, однако, для Люсни очень трудно, потому что его точка зрѣнія въ польскомъ вопросѣ опирается, главнымъ образомъ, на предположеніи о непоколебимости и мощи абсолютизма; а безъ этой опоры его точка зрѣнія падаетъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что экономическое развитіе Россіи далеко отстаетъ отъ Германіи или Англіи, и ея пролетаріатъ гораздо слабѣе и менѣе зрѣлъ, чѣмъ германскій или англійскій. Но все относительно, въ томъ числѣ и революціонная сила какого нибудь класса. Больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, русскій пролетаріатъ выступаетъ теперь, какъ борецъ за жизненныя потребности всей націи, такъ что въ своей борьбѣ противъ правительства онъ едва ли встрѣтитъ противниковъ въ какомъ нибудь другомъ классѣ. Съ другой стороны, нѣтъ въ Европѣ правительства, исключая развѣ Турцію, болѣе слабаго, чѣмъ русское, потому что оно не имѣетъ въ государствѣ иной опоры, кромѣ насквозь прогнившей бюрократіи и арміи, уже хранящей въ себѣ зародыши дезорганизаціи и недовольства. Нѣтъ такого правительства, существованіе котораго стояло бы въ болѣе непримиримомъ противорѣчіи съ существованіемъ націи, и моральное и экономическое банкротство котораго не обнаруживалось бы все съ большей наглядностью. До восьмидесятыхъ годовъ русскій абсолютизмъ находилъ свою опору въ полномъ силъ крестьянствѣ. Эта опора уже пала; крестьянинъ гибнетъ, голодаетъ или бунтуетъ. Грозящему банкротству абсолютизма пришелъ на помощь западно-европейскій капиталъ, служившій для того, чтобы взростить обильную, тепличную, крупную промышленность. Теперь этотъ замыселъ потерпѣлъ крахъ, и вмѣсто богатыхъ доходовъ промышленность даетъ абсолютизму революціонный пролетаріатъ, съ беззавѣтной храбростью бросающійся въ борьбу, такъ какъ онъ находится еще въ той стадіи, когда ему нечего терять, кромѣ цѣпей, а завоевать онъ можетъ цѣлый міръ.

Борьба кончится для абсолютизма тѣмъ быстрѣй и неблагопріятнѣй, чѣмъ рѣшительнѣе Западная Европа откажетъ ему въ своей помощи. Стараться дискредитировать русскій абсолютизмъ, насколько возможно—самая насущная задача интернаціональной соціальдемократіи. И она поняла это. Какимъ путемъ стремится она этого достигнуть въ той или иной странѣ—зависитъ отъ мѣстныхъ своеобразныхъ условій. Одни старались это сдѣлать на массовыхъ собраніяхъ, какъ это было въ Вѣнѣ; другіе, какъ напр. Итальянцы, распространили агитацію по всей странѣ; третьи, подобно Бебелю, перенесли борьбу въ рейхстагъ: во всѣхъ этихъ случаяхъ товарищи дѣйствовали сообразно обстоятельствамъ; исключеніе составили одни только французскіе соціалисты изъ компаніи Мильерана.

Несмотря на драгоцѣнную дружбу западной Европы замѣтно растутъ силы, стѣсняющія абсолютизмъ. Война съ Японіей можетъ замѣтно ускорить побѣду русской революціи, если русская армія не одержитъ быстрой и рѣшительной побѣды. Но даже при окончательной побѣдѣ Россіи абсолютизмъ будетъ тяжело пораженъ, такъ какъ онъ долженъ будетъ исчерпать всѣ свои силы, если эта война затянется на такое продолжительное время, какъ бурская *).

То, что произошло послѣ русско-турецкой войны, повторится теперь въ еще большемъ масштабѣ: могучій взрывъ революціоннаго движенія. Помимо того, что правительство теперь слабѣе, а революціонные элементы сильнѣе, чѣмъ тогда, война противъ Турціи за освобожденіе славянскихъ братьевъ была популярна, она была борьбой противъ варварства за свободу,—по крайней мѣрѣ такова была иллюзія сражавшихся—и служила прежде всего для того, чтобы поднять престижъ правительства внутри страны. Насколько отличается отъ этой войны война съ Японіей, война противъ болѣе свободной и болѣе развитой страны, въ разгромѣ которой совсѣмъ не заинтересованъ русскій народъ! Интересно сравнить возбужденіе, господствовавшее въ Россіи съ 1875 года, когда разразилось возстаніе Босніи и Герцоговины, до объявленія войны въ 1877 году, съ тѣмъ равнодушіемъ, съ какимъ, въ противоположность Японіи, относились въ Россіи къ угрожающему положенію дѣлъ въ теченіе послѣднихъ недѣль до начала военныхъ дѣйствій.

---

*) Статья эта написана Каутскимъ въ началѣ 1904 г.
Пр. пер.

Революція въ Россіи не могла бы немедленно установить соціалистическаго режима. Для этого экономическія условія страны еще далеко не зрѣлы. Но вызвать къ жизни демократическій режимъ съ находящимся за его спиной отважнымъ, сильнымъ и стремящимся впередъ пролетаріатомъ, способнымъ добиться значительныхъ уступокъ—это она вполнѣ въ состояніи сдѣлать.

Подобный режимъ Россіи долженъ оказать могущественное вліяніе на сосѣднія страны: во первыхъ оживленіемъ въ этихъ странахъ пролетарскаго движенія, которое получитъ сильнѣйшій толчекъ къ нападенію на всѣ политическія препятствія—въ Пруссіи раньше всего на трехклассную систему выборовъ—стоящія на пути демократическаго режима; во вторыхъ, благодаря разрѣшенію разнообразныхъ національныхъ вопросовъ западной Европы.

Мнѣ кажется несомнѣннымъ, что русская революція должна возродить панславизмъ въ новой формѣ. Въ томъ видѣ, который онъ имѣлъ до сихъ поръ, онъ упалъ очень низко. Панславизмъ былъ революціоннымъ средствомъ для реакціонныхъ цѣлей: вызвать возстаніе среди славянскихъ народностей Австріи и Турціи, такъ какъ эти народности полагали, что подъ руководствомъ Россіи онѣ получатъ національную независимость; но Россія хотѣла лишь распространить и на эти народности власть своего деспотизма. Но прошли уже тѣ времена, когда правительства могли безнаказанно заигрывать съ революціей, освободительницей народовъ; тѣ времена, когда Наполеонъ конспирировалъ съ Кошутомъ (1859), Бисмаркъ организовывалъ венгерскій легіонъ противъ дома Габсбурговъ и шелъ навстрѣчу націоналистическимъ стремленіямъ чеховъ (1866) *), когда Ригеръ совершалъ паломничество въ Москву въ качествѣ агента панславизма (1868) и

---

*) Какъ мало удовлетворены были славяне правительствомъ Бельгреди въ Австріи (1866), показываетъ, съ какимъ торжествомъ они привѣтствовали пражскую прокламацію прусскаго генерала Розенберга—Грушинскаго, изданную, какъ говорятъ, директоромъ полиціи Штиберомъ „къ населенію славнаго королевства Богемскаго", потому что эта прокламація давала надежду на удовлетвореніе ихъ національныхъ желаній. Несчастье оружія Кенигреца—высшій пунктъ тѣхъ испытаній, которымъ подверглась Австрія, то время, когда чешскія газеты подъ защитой развивавшагося въ Грачинѣ черно-бѣлаго знамени, забрасывали грязью австрійскихъ нѣмцевъ и говорили въ лицо генералу Бельгреди, что Бисмаркъ обѣщаетъ имъ то, чего онъ теперь изъ боязни передъ центральной кликой не рѣшается дать.

(W Rogge „Oesterreih von vilago bis zur Gegenwart". II. 335.

когда генералъ Игнатьевъ, русскій посолъ въ Константинополѣ, могъ подготовлять переворотъ въ турецкой имперіи по всѣмъ правиламъ тайныхъ заговоровъ (1864—1877).

Съ тѣхъ поръ правительства всюду стали нѣсколько осторожнѣе и боязливѣе. Развѣ гдѣ нибудь въ южной Африкѣ или центральной Америкѣ то или иное правительство капиталистической страны отваживается примѣнять революціонные методы въ своихъ цѣляхъ. Русское правительство не представляетъ исключенія изъ этого. Возставшіе македонцы жестоко ошиблись, когда въ 1903 году полагали, что Россія такъ же поспѣшитъ къ нимъ на помощь, какъ поспѣшила три десятка лѣтъ тому назадъ къ боснійцамъ и болгарамъ.

Съ другой стороны, обстоятельства въ самой Россіи стали настолько критическими, что, по крайней мѣрѣ среди австрійскихъ славянъ, совершенно угасла та жажда объединенія съ россійскими областями, которая была очень сильна въ эпоху реформъ Александра II. Поэтому и тутъ и тамъ корни панславизма подгнили.

Демократическая Россія должна будетъ снова дать ярко разгорѣться стремленію австрійскихъ и турецкихъ славянъ къ національной независимости въ надеждѣ ихъ на помощь великаго русскаго народа. Тогда и польскій вопросъ снова обострится, но не въ томъ смыслѣ, какъ думаетъ Люсня; его шипы будутъ направлены не противъ Россіи, а противъ Австріи и Германіи и, поскольку она будетъ служить дѣлу революціи, Польшѣ придется защищать революцію не отъ Россіи, а изъ Россіи нести ее въ Австрію и Германію.

Тогда Австрія распадется, потому что съ паденіемъ абсолютизма спадетъ тотъ желѣзный обручъ, который пока еще стягиваетъ въ одно всѣ ея врозь стремящіеся элементы. Если дѣло зайдетъ такъ далеко, Германская имперія должна будетъ включить въ свой составъ населенныя нѣмцами области Габсбургской, монархіи, поскольку эти области составляютъ совокупное цѣлое.

Но вслѣдствіе этого совершенно измѣнится характеръ имперіи. Теперь на 35 милліоновъ пруссаковъ приходится всего 22 милліона не пруссаковъ. Присоединеніе австрійскихъ нѣмцевъ почти уравняетъ силы пруссаковъ и не пруссаковъ, особенно, если изъ числа первыхъ будетъ отнято 3 милліона прусскихъ поля-

ковъ. Такого рода условія вызовутъ опасность усиленной оппозиціи юга противъ сѣвера, усиленіе партикуляризма, ослабленіе единства Имперіи, если имперія будетъ до того времени существовать, какъ союзъ самостоятельныхъ государствъ: тогда окажется настоятельно необходимымъ наверстать то, что было упущено въ 1870 г.: союзъ государствъ превратить въ единое государство. Это очень облегчитъ рѣшеніе польскаго вопроса, такъ какъ удерживаніе прусскихъ поляковъ въ теперешнемъ государственномъ союзѣ лежитъ въ интересахъ обособленнаго прусскаго государства, а не нѣмецкаго народа.

Такимъ образомъ, русская революція должна будетъ не только дать сильный толчекъ пролетарскому движенію остальной Европы, но и снова поставить на очередь вопросы національнаго объединенія и привести къ окончательному рѣшенію ихъ не только въ Австріи и балканскихъ странахъ, но и въ самой Германіи. Соціальдемократія должна будетъ тогда выступить борцомъ не только за новый общественный строй, но и за новый территоріальный и національный строй; она должна будетъ выступать борцомъ не только за пролетарскіе классовые интересы, но также за интересы общіе, національные, потому что другіе классы, ставшіе консервативными и трусливыми, будутъ относиться къ этимъ интересамъ пассивно или прямо враждебно.

Не окажется-ли возможнымъ, наконецъ, въ результатѣ этой борьбы пролетаріату занять господствующее положеніе въ Германской имперіи? Такой исходъ долженъ будетъ оказать вліяніе на всю Европу, долженъ будетъ повлечь за собой политическое господство пролетаріата въ западной Европѣ и создать восточно-европейскому пролетаріату возможность сократить стадіи своего развитія и, подражая нѣмецкому примѣру, искусственно создать соціалистическія учрежденія. Общество въ цѣломъ не можетъ искусственно перескочить черезъ отдѣльныя стадіи развитія, но это возможно для его отдѣльныхъ составныхъ частей, которыя могутъ ускорить свое отсталое развитіе подражаніемъ передовымъ странамъ и, благодаря этому, даже стать во главѣ развитія, потому что онѣ не обременены балластомъ традицій, который тащатъ съ собой старыя націи. Блестящимъ примѣромъ этого служитъ Америка, перешагнувшая черезъ стадіи феодализма и абсолютизма и, благодаря этому, избавившаяся отъ истребительной борьбы съ ними и также отъ балласта ихъ развалинъ.

Это *можетъ* случиться. Но, какъ уже сказано, мы здѣсь уже оставили область поддающейся изученію *необходимости*: здѣсь мы находимся уже въ области *возможнаго*. Поэтому все можетъ произойти и иначе.

Послѣ Россіи въ настоящій моментъ близка къ революціи Бельгія. Промышленный пролетаріатъ Бельгіи очень сильно развитъ, а консервативное крестьянство весьма слабо. Изъ каждыхъ 1000 трудящихся (въ главныхъ и второстепенныхъ областяхъ труда) было занято:

	Бельгія 1890 г.		Германія 1895 г.
Въ промышленности	368		319
Въ торговлѣ	111		114
Въ самостоятельномъ сельскомъ хозяйствѣ	145	221	429
Въ качест. сельск. батр.	76		

Числа еще болѣе будутъ благопріятствовать промышленному населенію, если мы примемъ во вниманіе только занятыхъ въ главныхъ отрасляхъ труда, такъ какъ не мало промышленныхъ рабочихъ одновременно занимаются отчасти и сельскимъ хозяйствомъ.

Въ Германіи въ 1895 г. въ главныхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства было занято 362 человѣка на тысячу (въ Саксоніи только 167, въ Баваріи 464); напротивъ, занятыхъ въ промышленности было на тысячу 361 (въ Саксоніи 550, въ Баваріи 280). Къ сожалѣнію, въ бельгійской статистикѣ за 1890 годъ нѣтъ данныхъ о занятыхъ въ главныхъ отрасляхъ труда, поэтому здѣсь нельзя установить такого различія, какъ въ Германіи. Во всякомъ случаѣ, можно предположить, что, если въ Германіи промышленное и сельское населеніе взаимно уравновѣшиваются, то въ Бельгіи первое, по меньшей мѣрѣ, вдвое многочисленнѣе, чѣмъ второе; отношеніе тамъ почти такое-же, какъ и въ Саксоніи.

Среди промышленнаго населенія въ Бельгіи пролетаріатъ также болѣе преобладаетъ, чѣмъ въ Германіи.

На каждую тысячу занятыхъ въ промышленности приходится:

	Въ Бельгіи 1890 г.	Германіи 1895 г.
самостоятельныхъ хозяевъ	183	249
служащихъ	15	32
наемныхъ рабочихъ	802	719

Къ этому соціальному разслоенію присоединяются еще и политическія условія, благопріятствующія революціи. Правительство, благодаря избирательному праву, выгодному господствующимъ классамъ, въ высшей степени реакціонно, при чемъ обостряются противорѣчія не только между нимъ и пролетаріатомъ, но между нимъ и интересами всей націи. Широкіе круги населенія презираютъ и ненавидятъ короля; армія, благодаря системѣ замѣстительства и вербовкѣ, рекрутируется, главнымъ образомъ, изъ среды неимущихъ классовъ; она недовольна и склонна къ возмущенію. Достаточно, чтобы затруднительное положеніе правительства совпало съ моментомъ взрыва народнаго гнѣва, и Леопольдъ или его наслѣдникъ увидятъ область своего господства ограниченной предѣлами Конго*).

Конечно, пролетарская революція въ предѣлахъ одной Бельгіи не можетъ долго продержаться. Одни экономическія условія сами по себѣ не дадутъ возможности этой маленькой странѣ съ ея семью милліонами населенія, окруженной капиталистическими странами, основать прочный соціалистическій режимъ. Еще значительнѣе опасности политическаго характера. Управляемая пролетаріатомъ республиканская Бельгія будетъ постояннымъ очагомъ революціи, постояннымъ примѣромъ для пролетаріата другихъ странъ Европы, источникомъ броженія для низшихъ слоевъ населенія за предѣлами Бельгіи. Правительства Германіи и Франціи должны будутъ поспѣшить потушить пожаръ, чтобы опасныя искры не залетали въ сосѣднія легко воспламеняющіяся области, управляемыя промышленными и аграрными

*) Конго—бельгійская территорія въ Африкѣ, фактически принадлежащая крупнѣйшимъ капиталистамъ и въ томъ числѣ крупнѣйшему изъ нихъ бельгійскому королю; область неслыханной даже для европейскихъ колоній эксплоатаціи негровъ и звѣрскаго произвола. Недавно Парламентская комиссія раскрыла рядъ ужасовъ въ управленіи Конго, передъ которыми блѣднѣетъ все извѣстное изъ исторіи Европейскихъ колоній. *Пр. ред.*

сторонниками исключительныхъ законовъ. Но какъ разъ при тушеніи пожара, послѣдній можетъ особенно широко распространиться.

Защищающій свою свободу народъ не такъ легко поработить. Примѣръ этого показали обѣ южно-африканскія республики, гдѣ какихъ-нибудь 400.000 бѣлыхъ, изъ которыхъ вооруженныхъ было всего 40.000, оказывали такое долгое и побѣдоносное сопротивленіе англійской міровой имперіи. Полутораста тысячная бельгійская армія увеличится притокомъ пламенныхъ добровольцевъ; рабочая пресса, конечно, не будетъ при этомъ предостерегать: „держитесь подальше"! Каждый день сопротивленія долженъ усиливать броженіе въ лагерѣ враговъ и увеличивать въ немъ возмущеніе.

Но во всякомъ случаѣ, благодаря колоссальному превосходству силъ сосѣднихъ государствъ, можетъ быть и не трудно было бы задушить республику, еслибы этому не мѣшалъ одинъ факторъ: вражда между Франціей и Германіей, которая въ этомъ случаѣ впервые можетъ послужить дѣлу свободы. Можетъ ли быть, чтобы Франція спокойно смотрѣла, какъ Германія поражаетъ и оккупируетъ Бельгію, или чтобы французская армія взяла на себя функціи прусскихъ жандармовъ и плечомъ къ плечу съ германской арміей пошла усмирять Бельгію? Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ французскому правительству грозила бы опасность народнаго взрыва, при которомъ и самое высокое и самое низкое, національная ненависть и интернаціональная солидарность, мелкобуржуазная озлобленность и пролетарскій революціонный натискъ объединятся, чтобы съ воодушевленіемъ, присущимъ французамъ, низвергнуть правительство, измѣнившее народу; и это тѣмъ легче можетъ случиться, что французская армія врядъ ли будетъ съ энтузіазмомъ защищать такое правительство. Чтобы раздавить Бельгію, Германія должна будетъ объявить войну Франціи. Но это не будетъ войной 1870 г.; эту войну не будетъ вдохновлять идеалъ объединенія, который десятки лѣтъ такъ лелѣяла нѣмецкая нація; это не война съ грубымъ узурпаторомъ, которая нѣсколькими быстрыми ударами могла увлечь шумомъ побѣды народныя массы. Это будетъ войной, въ которой, за исключеніемъ незначительныхъ группъ эксплоататоровъ, никто не заинтересованъ, и которая встрѣтитъ рѣшительный отпоръ въ единственно великомъ классѣ націи, еще лелѣющемъ идеалъ. Такая война имѣла бы цѣлью истребленіе мирнаго народа, который ни-

чего не желалъ бы кромѣ того, чтобы его оставили въ покоѣ. Такая война, если бы и вела къ побѣдѣ, то лишь путемъ, полнымъ превратностей и жертвъ, потому что враждебныя арміи настоящаго времени совсѣмъ иначе вооружены, чѣмъ въ 1870 г., и полны совсѣмъ иного воодушевленія, чѣмъ наполеоновскіе преторіанцы.

Такая война могла бы стать началомъ конца.

И здѣсь также могъ бы сыграть роль польскій вопросъ, но совсѣмъ не ту, которой ожидаетъ Люсня. Революціонный режимъ во Франціи и Бельгіи долженъ былъ бы заботиться о своемъ собственномъ спасеніи и матеріально поддерживать всѣ революціонныя стремленія заграницей и этимъ раздробить силы своихъ противниковъ и усилить возмущеніе народныхъ массъ. Можетъ быть, революціонный режимъ попытается перенести революцію въ Голландію и Италію и возбудить броженіе въ Россіи и Австріи. И это, между прочимъ, будетъ способствовать оживленію среди сторонниковъ Польши. Революціонный режимъ послужитъ средствомъ ослабленія реакціи не только россійской, но и боруссійской.

Мы теперь уже зашли такъ далеко, что, изслѣдуя возможность революціи, не можемъ ограничиться предѣлали одной Европы. Когда товарищъ Вайльшейръ въ своей критикѣ моихъ статей замѣчаетъ, что Соединенные Штаты ближе къ революціи, чѣмъ Европа, то вполнѣ возможно, что онъ правъ. Конечно, я не могу согласиться съ его мнѣніемъ, что капиталъ тамъ уже настолько централизованъ, что не одинъ рабочій классъ, но всѣ остальные вскорѣ увидятъ въ соціализмѣ своего избавителя и будутъ привѣтствовать его.

Ни одинъ классъ, можетъ быть, не нуждается такъ въ соціализмѣ, какъ классъ мелкихъ ремесленниковъ и торговцевъ. Его положеніе въ капиталистическомъ обществѣ гораздо хуже положенія обученныхъ наемныхъ рабочихъ. Современное общество предоставляетъ ему лишь одинъ исходъ, и этотъ исходъ ведетъ къ люмпен-пролетаріату. И все таки мелкіе ремесленники и мелкіе торговцы оказываютъ энергичное сопротивленіе соціальдемократіи, которая имѣетъ въ этихъ мелкобуржуазныхъ слояхъ самыхъ ярыхъ противниковъ, какъ это доказываетъ исторія антисемитизма. Соціализмъ ихъ спасетъ, но онъ для нихъ terra incognita. Современные классовые интересы этихъ слоевъ заставляютъ ихъ искать спасенія въ усиленной эксплоатаціи бѣднѣйшихъ изъ бѣдныхъ, и поэтому они выступаютъ противниками каждаго закона по охранѣ труда, организаціи рабочихъ въ профессіональные и потребительные союзы и притомъ гораздо болѣе ярыми противниками, чѣмъ классъ крупныхъ капиталистовъ.

Въ Америкѣ положеніе мелкихъ капиталистовъ должно, конечно, быть такимъ же. Крупныя монопольныя предпріятія подавляютъ ихъ, и они протестуютъ противъ нихъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ, подобно протестамъ нашихъ антисемитовъ противъ капитала, но на дѣлѣ мелкіе капиталисты ищутъ спасенія не въ уничтоженіи монополій, а въ усиленной эксплоатаціи рабочихъ. Не отъ перехода крупныхъ капиталистовъ на сторону соціализма я ожидаю побѣды въ Америкѣ—этотъ сонъ Беллами могъ бы уже разсѣяться—а отъ возрастающаго обостренія противорѣчій между капиталомъ и трудомъ не только въ области трестовъ, но въ предѣлахъ дѣятельности всего класса капиталистовъ. Такъ, національзація трестовъ въ интересахъ всей націи, но только пролетаріатъ способенъ осуществить ее, борьба за нее другихъ классовъ будетъ лишь призрачной.

Гигантскіе размѣры трестовъ, кризисы, безработица—всѣ эти факторы, которые въ Америкѣ приняли бо́льшіе размѣры, чѣмъ въ Европѣ, могутъ способствовать тому, что заатлантическій пролетаріатъ завладѣетъ политической властью раньше, чѣмъ нѣмецкій; можетъ быть, безъ ясной соціалистической программы, можетъ быть слѣдуя англійскимъ традиціямъ, онъ справится вначалѣ лишь съ нѣкоторыми проявленіями капитализма: безработицей или трестами. Но и въ такомъ случаѣ пролетарскій режимъ повлечетъ за собой соціалистическій способъ производства.

Но если бы американскому рабочему, насквозь проникнутому „практичностью“, удалось усвоить теорію соціализма такъ, чтобы пролетарскій режимъ съ самаго начала принялъ соціаль-демократическій характеръ, то и въ этомъ случаѣ американская революція имѣла бы совсѣмъ иную физіономію, чѣмъ европейская.

Не только политическая власть въ Америкѣ отличается отъ нашей, но и соціальное раздѣленіе общества. Мы слишкомъ далеко зашли бы, желая подробно изслѣдовать это, да и своеобразныя американскія условія лучше можетъ обрисовать американское перо.

Но какія бы формы не приняла тамъ соціальная революція, она не останется безъ вліянія на Европу. Она должна будетъ значительно усилить стремленіе и натискъ европейскаго пролетаріата къ завоеванію политической власти. Это или поведетъ къ побѣдѣ рабочаго класса и въ Европѣ, или,—если этотъ классъ потерпитъ пораженіе—повлечетъ за собой массовую эммиграцію и опустѣніе старыхъ капиталистическихъ странъ.

И на эту возможность слѣдуетъ обратить вниманіе. Міръ не такъ цѣлесообразно устроенъ, чтобы революція побѣдила тамъ, гдѣ это въ интересахъ общества. Когда мы говоримъ о необходимости побѣды пролетаріата и обусловливаемомъ ею соціализмѣ, мы при этомъ не думаемъ, что эта побѣда неизбѣжна, или, какъ это еще иначе полагаютъ нѣкоторые наши критики,—что она фатально придетъ даже въ томъ случаѣ, если пролетаріатъ спокойно скреститъ свои руки. Необходимость слѣдуетъ здѣсь понимать въ смыслѣ единственной возможности дальнѣйшаго развитія. Гдѣ пролетаріату не удается восторжествовать надъ своими противниками, тамъ общество теряетъ возможность развиваться и должно притти въ состояніе неподвижности и разложенія.

Въ исторіи не мало примѣровъ разрушенія государствъ отъ того, что для нихъ была необходима революція, но они не создали класса, способнаго осуществить ее. Сама Европа даетъ намъ такой примѣръ въ лицѣ Турціи. Судьба послѣдней постигнетъ всю Европу, если пролетаріатъ въ своемъ стремленіи къ политической свободѣ потерпитъ пораженіе. И если одновременно съ этимъ пролетаріатъ побѣдитъ въ Америкѣ, тогда все, что есть энергичнаго и интеллигентнаго среди пролетаріата и среди работниковъ интеллигенціи, направится черезъ океанъ къ новой свободѣ, и Европа станетъ къ Америкѣ въ такое же отношеніе, въ какое нынѣ становится нижняя Италія къ Германіи. Тогда Европа потеряетъ свое значеніе для общественнаго развитія и будетъ представлять интересъ лишь своей природой и остатками своихъ развалинъ—памятниками былого величія.

Но нѣтъ никакихъ основаній для такихъ мрачныхъ ожиданій, въ виду наклонности и способности къ борьбѣ европейскаго пролетаріата, соединяющаго въ себѣ въ равной мѣрѣ воодушевленіе съ самоотверженностью и осторожностью. Даже и англійскій пролетаріатъ не даетъ повода къ пессимизму. Пролетаріатъ Англіи въ девятнадцатомъ вѣкѣ совершилъ столько, что теперь еще слишкомъ рано говорить, что онъ въ своей летаргіи отошелъ уже въ область исторіи. Слѣдуетъ признать, что эта летаргія объясняется особыми преходящими условіями. Причина этого то же привилегированное положеніе, которое занимаетъ англійскій капиталъ на міровомъ рынкѣ и благодаря которому ослабѣли его способности къ конкуренціи и борьбѣ. Теперь, когда всему міру ясно, что это исключительное положеніе уже принадлежитъ прошедшему, должны также исчезнуть несамостоятельность и пассивность англійскихъ рабочихъ. Послѣднихъ соединяетъ съ буржуазіей либеральная свобода торговли. Поворотъ буржуазіи къ протекціонизму повлечетъ за собою и поворотъ рабочихъ къ соціализму.

Когда мы разсматриваемъ возможность грядущей революціи, передъ нами всплываетъ цѣлый рядъ разнообразныхъ проблеммъ, одного только не находимъ мы здѣсь: польскаго вопроса въ томъ смыслѣ, въ какомъ его развиваетъ Люсня. Въ этомъ смыслѣ онъ вопросъ прошлаго. Если наши выводы показали, что мыслимы разнообразныя формы революціи; если въ дѣйствительности этихъ формъ можетъ оказаться еще больше, чѣмъ мы сейчасъ въ состояніи себѣ представить, такъ какъ еще могутъ обнаружиться и, вѣроятно, обнаружатся новые факторы, о которыхъ теперь еще никто и не думаетъ, то ясно, всетаки, одно: революція будущаго не возвратится къ формамъ и проблеммамъ, которыя уже принадлежатъ прошлому.

Пріемъ, съ помощью котораго мы пришли къ опредѣленнымъ выводамъ относительно польскаго вопроса, былъ слишкомъ сложенъ. Можно было придти къ тому же результату гораздо проще. Но я имѣлъ при этихъ выводахъ въ виду еще и нѣчто другое. Я надѣюсь, что разборомъ разнообразныхъ возможностей революціи, выяснено, что всѣ происки нѣмецкихъ вдохновителей исключительныхъ законовъ не въ состояніи помѣшать ей. При всѣхъ указанныхъ мною путяхъ революціи, которыми, повидимому, она пойдетъ въ ближайшемъ будущемъ, нѣтъ мѣста революціонной инициативѣ Германіи, и революція должна быть извнѣ занесена въ Германію. Что можетъ измѣнить въ этой картинѣ какое-нибудь ограниченіе избирательнаго права, ухудшеніе права коалицій, усиленное преслѣдованіе соціалистической прессы въ Германіи? Вѣдь принизить германскій пролетаріатъ до русскихъ условій невозможно.

Но чѣмъ больше германскія условія приближаются къ русскимъ, тѣмъ болѣе и положеніе германскаго правительства становится подобнымъ положенію русскаго. Тѣмъ болѣе это правительство впадаетъ въ противорѣчіе съ общими національными интересами и тѣмъ больше оно должно парализовать экономическую жизнь страны, потому что свободное развитіе капитализма предполагаетъ свободную иниціативу каждаго члена общества; чѣмъ больше эта иниціатива встрѣчаетъ препятствій, тѣмъ больше стѣсненъ капитализмъ. Полицейскій гнетъ и расцвѣтъ хозяйственной жизни несовмѣстимы въ развитомъ капиталистическомъ государствѣ. Продолжительный режимъ насильственнаго подавленія социаль-демократіи повлекъ бы за собой экономическій регрессъ Германіи, тѣмъ болѣе, что носителями этого режима явились бы экономически самые отсталые классы: юнкерство, антисемитическая часть ремесленной мелкой буржуазіи и слѣдующей за ними части мелкаго крестьянства.

Это привело бы къ господству въ Германіи русскихъ условій, финансовому банкротству, къ застою промышленности, дезорганизаціи и разложенію арміи и бюрократіи, словомъ, ко всему тому, что дѣлаетъ существованіе русскаго правительства шаткимъ, а состояніе русской націи полнымъ отчаянія, обстоятельства, которыя, по всей вѣроятности, послужатъ тому, что иниціатива грядущей революціи будетъ принадлежать Россіи.

Какъ уже сказано выше, я не ожидаю, что ближайшая революція начнется въ Германіи. Но если факты опровергнутъ это предположеніе, то причиной этого можетъ быть насильственный режимъ подавленія социаль-демократіи.

Я считаю такой режимъ все же невѣроятнымъ, такъ какъ гражданская жизнь въ Германіи уже слишкомъ высоко для этого развита. Но я также не вѣрю, что германской социаль-демократіи дадутъ возможность и дальше развиваться на почвѣ законности. Я ожидаю, что германскій режимъ вновь вернется къ зигзагообразному курсу и еще въ большей степени, чѣмъ раньше; что снова повторятся попытки отвратить рабочія массы отъ социаль-демократіи путемъ широковѣщательныхъ обѣщаній, но безъ серьезнаго намѣренія осуществить эти обѣщанія, а это вызоветъ въ населеніи тѣмъ большее ожесточеніе, чѣмъ больше оно довѣрится правительству. Съ другой стороны, возможенъ режимъ, не чуждый отдѣльныхъ безсистемныхъ судорожныхъ взрывовъ ярости и насилія, поражающій отдѣльныхъ людей или досаждающій

всему пролетаріату, но не способный сломить силу послѣдняго; режимъ, который своими мѣрами способенъ на каждомъ шагу вызывать возмущеніе, но не запугивать; но я не ожидаю режима, который, въ концѣ концовъ, съ самоубійственной энергіей приведетъ къ системѣ продолжительнаго господства террора, подавляющаго всякое проявленіе силы пролетаріата.

Но какимъ бы путемъ ни шли господствующіе классы, путемъ ли мирной законности или русскаго терроризма, или неустойчиваго шатанія между первымъ и вторымъ, все таки они не въ состояніи будутъ воспрепятствовать классовой борьбѣ пролетаріата.

III. Политическая стачка.

1) Вооруженное возстаніе.

Среди возраженій, выдвигаемыхъ противъ меня Люсней, нужно упомянуть еще объ одномъ, составляющемъ центральный пунктъ всей его статьи, отъ котораго она и получила свой заголовокъ. Онъ утверждаетъ, что пролетаріатъ не можетъ завоевать политическую власть иначе, какъ силой оружія.

Я замѣтилъ: „У насъ нѣтъ основаній предполагать, что *вооруженное возстаніе* съ баррикадной борьбой и другими подобными военными пріемами можетъ еще и теперь играть рѣшающую роль. Основанія этого мнѣнія приводились достаточно часто, и мнѣ не зачѣмъ теперь подробно останавливаться на этомъ. Милитаризмъ можетъ быть сломленъ только въ томъ случаѣ, если само войско окажется ненадежнымъ, и народъ одержитъ надъ нимъ благодаря этому побѣду".

Прежде всего, Люсня указываетъ на тотъ, якобы, недостатокъ, что я не привожу никакихъ дальнѣйшихъ доказательствъ для обоснованія этого взгляда. Меня изумляетъ, что онъ требуетъ еще доказательствъ. Если они ему дѣйствительно неизвѣстны, онъ ихъ можетъ найти въ столько разъ уже цитированномъ предисловіи Энгельса къ марксовой „Борьбѣ классовъ во Франціи", гдѣ всѣ эти основанія собраны и изложены самымъ яснымъ образомъ. Съ тѣхъ поръ, какъ написано это предисловіе, не было обнаружено никакихъ новыхъ фактовъ, никто не сдѣлалъ попытокъ опровергнуть мнѣніе Энгельса, и у насъ не было поводовъ вновь заняться изслѣдованіемъ этого вопроса. Здѣсь я могъ бы только списать соотвѣтствующее мѣсто у Энгельса.

Выводы самого Люсни служатъ лишь къ подкрѣпленію точки зрѣнія Энгельса, и Люсня долженъ согласиться, что въ наше время вооруженное возстаніе народа противъ войска было бы

безуміемъ. Когда онъ высказываетъ мнѣніе, что грядущая революція будетъ произведена силой оружія, то подъ этимъ онъ разумѣетъ не борьбу между народомъ и войскомъ, а борьбу между двумя частями войска, изъ которыхъ одна переходитъ на сторону народа. Это, разумѣется, случай вполнѣ возможный, но это только особая форма общей предпосылки, „что войско окажется ненадежнымъ" и отнюдь не опровергаетъ невозможности для „возмутившагося народа побѣдить это войско", пока оно само не придетъ къ такому состоянію неблагонадежности.

Но есть-ли у насъ какія-нибудь причины заняться дальнѣйшимъ изслѣдованіемъ этой особой формы. Размышленія о проблеммахъ будущаго и средствахъ ихъ рѣшенія имѣютъ значеніе лишь тогда, когда даютъ возможность вліять на практику и теорію настоящаго, когда ихъ выводы могутъ воздѣйствовать на силу и направленіе нашей дѣятельности, успѣхъ нашей пропаганды и на ясность нашего мышленія. Но такъ какъ мы не намѣрены заниматься пропагандой въ арміи и вызывать ее на неподчиненіе,—объ этомъ теперь во всей германской соціальдемократіи никто и не думаетъ—то вопросъ о томъ, какія формы можетъ и должно принять это неповиновеніе, не подлежитъ нашему обсужденію. Но, конечно, и теперь важно вполнѣ выяснить себѣ, если не для нашихъ активныхъ дѣйствій, то въ интересахъ нашей пропаганды и теоретическаго мышленія, что намъ нечего ожидать отъ вооруженнаго возстанія народа и что мы ни въ какомъ случаѣ не дадимъ себя провоцировать на этотъ шагъ.

Также важенъ и другой связанный съ предыдушимъ вопросъ, котораго касается Люсня: если находятъ невозможнымъ противопоставить оружію правительства оружіе народа, то не исключается ли въ силу этого возможность для пролетаріата отразить силой насиліе враговъ?

Не будетъ-ли онъ безсиленъ въ случаѣ государственнаго переворота?

Располагаетъ-ли онъ какимъ-либо политическимъ оружіемъ кромѣ избирательнаго листка?

Борющійся пролетаріатъ можетъ превосходно политически развиваться и при такой конституціи, какую имѣетъ Германская Имперія. У него нѣтъ ни малѣйшей причины стремиться измѣнить ее насильственнымъ, внѣзаконнымъ путемъ. Но чѣмъ больше растетъ политическая мощь пролетаріата, тѣмъ скорѣе можно ожидать, что его противники низвергнутъ существующую

конституцію и замѣнятъ ее режимомъ насильственнаго подавленія пролетаріата и насильственнаго разрушенія его организацій,—словомъ, режимомъ насилія, который требуетъ рѣшительнаго отпора.

Тамъ, гдѣ массы мыслятъ соціальдемократически, такой режимъ все таки не можетъ привести къ вооруженному возстанію народа.

Если бы, въ концѣ концовъ, режимъ насилія и вызвалъ насильственное сопротивленіе пролетаріата, то послѣдній можетъ использовать лишь одно насильственное средство, которое онъ уже и теперь употребляетъ въ своей экономической борьбѣ, какъ послѣдній рѣшительный шагъ: это средство—*стачка*.

Но если бы и это средство оказалось такимъ же негоднымъ, какъ вооруженное возстаніе, въ виду очевиднаго неуспѣха его, то это не могло бы служить доказательствомъ, что дѣло пролетаріата безнадежно. Даже и въ этомъ случаѣ намъ нечего было бы отчаяваться. Пролетаріатъ уже и теперь настолько является защитникомъ будущихъ и современныхъ жизненныхъ интересовъ всей націи, что правительство не можетъ насильственно подавить его, не парализуя вмѣстѣ съ тѣмъ жизнь всей націи. Такое положеніе дѣлъ рано или поздно должно привести къ экономическому или политическому краху при одномъ изъ тѣхъ кризисовъ, отъ которыхъ не застраховано ни одно государство. Конечно, въ этомъ случаѣ будущность пролетаріата менѣе надежна и больше зависитъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, чѣмъ отъ его собственныхъ силъ, но все таки и тогда побѣда пролетаріата не невозможна.

Но если пролетаріатъ знаетъ, что онъ владѣетъ оружіемъ, которымъ можетъ парализовать средства насилія своихъ враговъ, то его энергія и увѣренность въ себѣ, а также и уваженіе къ нему со стороны его враговъ должны значительно возрасти. И поэтому обсужденіе вопроса о политической стачкѣ или, какъ несовсѣмъ удачно выражаются, генеральной стачкѣ имѣетъ большое значеніе для современнаго момента.

2) Различные типы стачекъ.

Какъ ни различны заключенія, къ которымъ пришли участвовавшіе въ обсужденіи вопроса о политической стачкѣ, во всякомъ случаѣ всѣ они доказали ясно одно: политическая стачка не такого рода оружіе, которымъ можно пользоваться въ каждый данный моментъ по желанію, разъ только пролетаріатъ достаточно организованъ. Если она вообще можетъ имѣть успѣхъ, то лишь при особыхъ обстоятельствахъ.

Эти условія нельзя изучить на обычныхъ стачкахъ экономическаго характера, потому что политическая и экономическая стачка—явленія совершенно различныя.

При экономической стачкѣ рабочіе черпаютъ свои силы, съ одной стороны, въ необходимости для предпринимателей продолжать свое производство, съ другой стороны, въ конкуренціи между капиталистами и въ солидарности среди рабочихъ.

Постоянный капиталъ фабриканта—зданія, машины и. т. д. —изнашиваются, если они даже не находятся въ употребленіи; иногда это бездѣятельное состояніе постояннаго капитала грозитъ ему совершеннымъ уничтоженіемъ, какъ напримѣръ, въ рудникахъ при бездѣйствіи насосовъ грозитъ наводненіе. Нерѣдко понижается потребительная цѣнность сырыхъ матеріаловъ отъ долгаго храненія на складахъ, напримѣръ, портится свекловица на сахарныхъ заводахъ.

Но къ этимъ техническимъ причинамъ, приносящимъ капиталистамъ убытокъ отъ пріостановки предпріятій, присоединяются еще и экономическія. Высота уровня годовой суммы прибыли зависитъ не только отъ степени эксплоатаціи рабочихъ, но также отъ быстроты оборота капитала. Предположимъ, что мы имѣемъ капиталъ въ 2000000 марокъ, изъ котораго 400,000 составляетъ заработная плата, а 1600000 постоянный капиталъ. Предположимъ дальше для простоты, что въ годовомъ оборотѣ участіе постояннаго капитала равно нулю. Соотвѣтствующій размѣръ прибавочной стоимости равенъ 100 процентамъ, слѣдовательно, вся масса прибавочной стоимости при каждомъ оборотѣ капитала равна будетъ 400,000 мар. Если капиталъ сдѣлаетъ одинъ оборотъ въ теченіе года, то полученная прибыль равна будетъ 400,000 м. Норма прибыли будетъ поэтому равняться $\frac{400000}{2000000}$ — т. е. 20 процентамъ. Но если капиталъ въ теченіе года сдѣлаетъ два оборота, то сумма прибавочной стоимости возрастетъ до 800000 м., а норма прибыли до 40 процентовъ, при той же степени эксплоатаціи рабочихъ. Степень эксплоатаціи остается неизмѣнной, а общая сумма заработной платы удвоилась при неизмѣнномъ же количествѣ рабочихъ, благодаря болѣе ре-

стройство и парализовало органы правительства и его голову и создавало вмѣстѣ съ тѣмъ такое положеніе, при которомъ правительство нуждалось въ наибольшемъ хладнокровіи, силѣ и единствѣ. Тамъ, гдѣ баррикадной борьбѣ не удавалось вызвать указанное положеніе, гдѣ правительство готово было встрѣтить эту борьбу или даже само провоцировало ее, тамъ баррикадная борьба неизмѣнно терпѣла пораженіе. Какая противоположность между февральскими и іюньскими днями 1848 года въ Парижѣ и между мартовскими и октябрьскими днями того же года въ Вѣнѣ!

Въ то же время выбить правительство изъ позицій путемъ вооруженнаго возстанія даже при самомъ слабомъ и безтолковомъ режимѣ стало невозможно благодаря современному оружію. Теперь не только оружіе войска гораздо ужаснѣе, чѣмъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, но и населеніе въ значительной степени потеряло возможность вооружаться; теперь нельзя даже самому лить пули для своего ружья; если даже удается добыть ружья изъ арсенала, то они совсѣмъ безполезны безъ спеціальныхъ патроновъ.

Это сознаніе превосходства военной техники позволяетъ теперь правительству, достаточно безпощадному, спокойно встрѣтить народное возстаніе, а менѣе безпощадному правительству нѣтъ основаній бояться вооруженнаго возстанія, потому что такое правительство не окажется съ народной массой въ столь грубомъ противорѣчіи, которое одно было бы въ состояніи вызвать взрывъ крайняго отчаянія. Поэтому нечего ожидать, что вооруженное возстаніе народа можетъ еще и теперь оказать то сильное моральное вліяніе, которое необходимо, чтобы заставить правительство потерять голову и поколебать его орудія.

То, чего больше не можетъ достичь баррикадная борьба, должна выполнить политическая стачка: *дезорганизовать правительство*, такъ какъ стачка заставляетъ напрягать въ высшей степени его силу, разсудительность и послѣдовательность и этимъ принудитъ его къ отступленію или заставитъ уйти со сцены. Она является пробой силъ правительственной и пролетарской организацій *).

---

*) Что политическая стачка такъ же, какъ и баррикадная борьба, вліяетъ путемъ дезорганизаціи правительства, впервые и блестяще доказалъ Парвусъ въ своей статьѣ „Государственный переворотъ и политическая массовая стачка“ Neue Zeit XIV, 2. C.199 ff., на которую долженъ обратить вниманіе всякій, кто хочетъ изучить вопросъ о политической стачкѣ.

Сразу пріостанавливается все производство, на улицу выводятся массы рабочихъ, крупной и мелкой буржуазіей овладѣваетъ безумный страхъ, страхъ за свою жизнь, за свою собственность. Вся вооруженная сила вынуждается къ безпрерывной раздражающей дѣятельности, такъ какъ каждый собственникъ страны требуетъ ея защиты, а массы бастующихъ рабочихъ появляются и исчезаютъ, избѣгая какихъ бы то ни было столкновеній съ вооруженной силой и собираясь повсюду, гдѣ эта сила отсутствуетъ; съ каждымъ днемъ стачки обостряются противорѣчія, стачка распространяется въ тѣхъ сельскихъ областяхъ, гдѣ развиты крупная промышленность или крупное землевладѣніе; увеличивается количество опасныхъ пунктовъ. Усиливается напряженіе войска, обостряются страданія и страсти стачечниковъ, страхъ собственниковъ, суматоха въ рядахъ правительства, которое хватается то за варварское и безумное насиліе, то переходитъ къ трусливой уступчивости; со всѣхъ сторонъ отъ него требуютъ такъ или иначе положить всему конецъ, при чемъ оно не можетъ нигдѣ справиться съ пассивнымъ сопротивленіемъ, котораго нигдѣ нельзя уловить и которое тѣмъ не менѣе проявляется и утомляетъ правительство во всѣхъ углахъ и закоулкахъ. Если правительство достаточно сильно, чтобы, несмотря на все, устоять противъ врага, если его орудія не отказываются ему служить, и правительственный механизмъ не приходитъ въ разстройство, если ему удается при всеобщемъ прекращеніи общественной жизни обезпечить безпрепятственное функціонированіе всѣхъ частей государственнаго организма до тѣхъ поръ, пока силы рабочихъ не истощатся, пока рабочіе не окажутся передъ альтернативой или итти опять подъ ярмо, или попытаться отчаяннымъ насильственнымъ актомъ вырвать успѣхъ, котораго они не могли достигнуть посредствомъ революціи скрещенныхъ рукъ,—въ такомъ случаѣ правительство имѣетъ шансы на побѣду, но, конечно, эта побѣда должна быть куплена дорогой цѣной. И всѣ тѣ ужасы, которыхъ боится буржуазія отъ стачки, должны обрушиться въ такомъ случаѣ на участниковъ этой стачки.

Наоборотъ, если стачечникамъ удастся сохранить свое единодушіе и цѣлесообразную пассивность до тѣхъ поръ, пока они не дезорганизуютъ правительство въ какомъ либо пунктѣ, если имъ, положимъ, удастся привлечь на свою сторону какой нибудь необходимый для правительства факторъ; или, если правительство само создало всеобщее замѣшательство, благодаря своимъ ordre, contreordre, desordre (приказамъ, контръ-приказамъ и безпо-

рядку) и вызвало такимъ образомъ слабость и безпомощность среди своихъ сторонниковъ, тогда пролетаріатъ на пути къ побѣдѣ; тогда имущіе теряютъ увѣренность въ способности правительства защитить ихъ; среди нихъ возрастаетъ страхъ, что всякое продолженіе сопротивленія можетъ принести имъ погибель; они обрушиваются на правительство и требованіями уступить бросаютъ его на произволъ судьбы и стараются войти въ соглашеніе съ вновь нарождающимися властями, чтобы спасти то, что еще возможно спасти. Правительство теряетъ всякую почву подъ ногами, и государственная власть попадаетъ въ руки того класса, который во время кризиса сумѣлъ дольше всѣхъ сохранить свое организаціонное единство, увѣренность и спокойствіе, которое импонируетъ индифферентной массѣ, который благодаря разумному употребленію своей силы обезоруживаетъ даже собственныхъ противниковъ: государственная власть перейдетъ въ руки обученнаго соціальдемократіей пролетаріата.

4) Условія успѣха политической стачки.

Чтобы пролетаріатъ могъ побѣдить при помощи политической стачки, необходимо прежде всего, чтобы онъ составлялъ преобладающую часть населенія, былъ интеллигентенъ и въ большей своей части такъ хорошо организованъ, что даже формальное распущеніе его организацій не могло бы уничтожить его сплоченности и дисциплины. Необходимо, чтобы пролетаріатъ могъ постоянно выдвигать изъ своей среды новыхъ вождей, которымъ онъ оказывалъ бы такое же добровольное повиновеніе, когда его популярные передовые борцы будутъ арестованы; необходимо, чтобы пролетаріатъ не поддавался провокаціи или раздраженію и не увлекался неразумными и поспѣшными дѣйствіями, чтобы въ его средѣ не распространялись ни вспышки ярости, ни паника и чтобы онъ изъ-за мелкихъ побочныхъ обстоятельствъ не забывалъ своей великой цѣли. Промышленность должна стоять на очень высокой ступени развитія, пролетаріатъ долженъ пройти долгую школу политической и профессіональной борьбы, прежде чѣмъ онъ рѣшится пойти такъ далеко.

Съ другой стороны, правительство должно обнаруживать извѣстные признаки слабости, чтобы стачка была въ состояніи поколебать его. Эта возможность напередъ исключается, если правительство избрано народомъ и опирается не на внѣшнія средства владычества, поддающіяся дезорганизаторской дѣятельности стачки, а на большинство народа. Въ Швейцаріи, напримѣръ, такая попытка поколебать и завоевать правительственную власть путемъ политической стачки была бы и безнадежной, и излишней. Такъ какъ политическая стачка можетъ побѣдить правительство только своимъ дезорганизующимъ вліяніемъ, а не своимъ политическимъ давленіемъ на общество, то она умѣстна лишь тамъ, гдѣ правительственная власть достигла извѣстной самостоятельности по отношенію къ народу, какъ это мы въ дѣйствительности находимъ во всѣхъ большихъ современныхъ государствахъ. Но и въ этихъ государствахъ пролетаріатъ можетъ имѣть надежду на успѣхъ только тамъ, гдѣ онъ сталкивается съ правительствомъ, по внѣшности сильнымъ и свирѣпымъ, но въ дѣйствительности слабымъ и безтолковымъ, не пользующимся довѣріемъ среди имущихъ и даже среди арміи и бюрократіи. Сильное, дальновидное правительство, импонирующее всѣмъ классамъ населенія, навѣрное, не побѣдить политической стачкой.

Къ счастью для пролетаріата, современное развитіе всюду проявляетъ тенденцію ослабить правительство и сдѣлать недовольными имъ всѣ классы общества. И это не случайность. Пока государственная власть преслѣдуетъ великія цѣли, соотвѣтствующія интересамъ массы націи, до тѣхъ поръ борьба, которую оно ведетъ, создаетъ великихъ людей, за которыми стоятъ сплоченныя большія партіи. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло тамъ, гдѣ правительственная власть и стоящіе за нею классы уже достигли всего существеннаго, какъ это мы имѣемъ теперь. Теперь нѣтъ больше общихъ великихъ интересовъ, способныхъ объединить всѣ эти классы. Мелкіе мѣстные и профессіональные интересы выступаютъ на первый планъ, и партіи имущихъ классовъ все болѣе раскалываются на мелкія, близорукія клики. Правительства все болѣе пріобрѣтаютъ характеръ коалицій, не задающихся проведеніемъ великихъ программъ, старающихся собрать разнородные элементы подъ однимъ колпакомъ; это, однако, возможно лишь въ томъ случаѣ, если эти элементы отказываются отъ остатковъ своихъ традиціонныхъ программъ. Такимъ образомъ, все болѣе усиливается ихъ неспособность къ законодательной дѣятельности и вся ихъ сила концентрируется на томъ или иномъ ближайшемъ мѣропріятіи,—вродѣ таможеннаго тарифа, или полицейскаго выселенія пары поповъ и монахинь,—ради чего все остальное бросается безъ вниманія.

Въ такой атмосферѣ не могутъ дышать люди дѣла, энергичные и съ широкими взглядами; она благопріятствуетъ лишь безшабашнымъ интриганамъ и мастерамъ все затушевывать и сглаживать, которые на словахъ и обѣщаніяхъ готовы служить самымъ противорѣчивымъ тенденціямъ, но на дѣлѣ заботятся только о завтрашнемъ днѣ, совершенно не думая о дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ. Эти люди—вылощенные дипломаты, часто довольно интеллигентные, всегда очень любезные, опытные въ искусствѣ привлеченія нужныхъ имъ людей, но совершенно неспособные преодолѣть крупное препятствіе и удовлетворить какой нибудь большой интересъ на продолжительное время; они неспособны также импонировать подчиненнымъ своимъ превосходствомъ. Они очень удобные кормчіе, когда сіяетъ солнце и вѣетъ нѣжный зефиръ. Но когда наступаетъ буря, они оказываются безсильными и еще до ея натиска теряютъ свой авторитетъ въ виду противорѣчій, которымъ они служатъ и которыя они стремятся не разрѣшить, а только замазать.

Чѣмъ неожиданнѣе разражается буря, тѣмъ безпомощнѣе они встрѣчаютъ ее. Здѣсь мы находимъ вторую сходную черту между баррикадной борьбой и политической стачкой. Мы видѣли, что въ обоихъ случаяхъ главное значеніе имѣетъ моральное вліяніе на правительство и неожиданная дезорганизація его. Такъ какъ именно это, а не тактическое превосходство надъ войскомъ, являлось рѣшающимъ моментомъ при баррикадной борьбѣ, то эта форма борьбы имѣла лишь тогда шансы на успѣхъ, когда она разражалась неожиданно, заставала правительство врасплохъ, не давъ ему времени приготовиться. Это происходило обыкновенно только при стихійныхъ возстаніяхъ, когда народъ, самъ слѣдуя внезапному побужденію, шелъ на баррикады. Но онъ не всегда былъ лишенъ при этомъ всякой организаціи и руководства. Во Франціи послѣднее большей частью исполняли тайныя общества. Но тамъ, гдѣ тайныя общества не только руководили взрывомъ и старались его использовать, но сами задолго подготовляли и распространяли его, надъ ними слишкомъ легко было одержать верхъ. Политическая полиція имѣетъ всюду своихъ шпіоновъ, и правительство всегда бывало освѣдомлено о готовящемся актѣ. Кромѣ того предназначенный моментъ возстанія не всегда совпадалъ съ моментомъ сильнаго оппозиціоннаго подъема народныхъ массъ.

Тоже и съ политической стачкой, если согласиться, что ея побѣда зависитъ не отъ экономическаго давленія на капиталистовъ, а отъ ея парализующаго и приводящаго въ замѣшательство вліянія на правительственный механизмъ. Чѣмъ стачка неожиданнѣе, чѣмъ болѣе самопроизвольный характеръ она носитъ, тѣмъ скорѣе она добьется такого воздѣйствія. Что справедливо для всякой стачки, то еще въ большей степени важно для политической: самая значительная часть ея вліянія пропадаетъ, если она заранѣе назначается на опредѣленный срокъ. Это назначеніе стачки имѣетъ лишь тогда смыслъ, если не существуетъ серьезнаго намѣренія осуществить ее, а хотятъ лишь использовать ее въ видѣ угрозы. Но такія угрозы быстро теряютъ свое вліяніе и, если за ними не слѣдуетъ рѣшительное дѣйствіе, онѣ только сѣютъ недовѣріе и упадокъ духа въ собственныхъ рядахъ угрожающихъ.

Политическая стачка имѣетъ наибольшую надежду на успѣхъ, когда она самопроизвольно возникнетъ, какъ результатъ данныхъ условій, которыя вызываютъ въ народныхъ массахъ глубокое возмущеніе—какая-либо очень большая несправедливость по отношенію къ нимъ, государственный переворотъ или нѣчто подобное—такъ, что онѣ готовы на все рѣшиться, и когда по народной массѣ, какъ искра, распространяется такой лозунгъ, какъ напр., забастовка, все увлекаетъ за собой, и, благодаря внезапности, всеобщности и мощи движенія, врагъ приходитъ въ замѣшательство, робѣетъ и теряется.

Нѣтъ ничего ошибочнѣе мнѣнія, что раньше, чѣмъ начинать политическую стачку, весь рабочій классъ долженъ быть организованъ по профессіямъ. Такое предположеніе никогда не осуществится; оно имѣло бы смыслъ лишь въ томъ случаѣ, если бы разсчитывали побѣдить врага при помощи экономическаго давленія, являющагося результатомъ длительной пріостановки работъ. Если же расчетъ на побѣду основывается на моральномъ ударѣ, то для этого нужна не всеобщая *организованность*, а всеобщее возбужденіе пролетарскихъ массъ. Конечно, это возбужденіе осталось бы безрезультатнымъ при отсутствіи организованности и прошедшихъ черезъ школу организаціи рабочихъ массъ, представляющихъ душу и мозгъ движенія.

Съ соотвѣтствующими измѣненіями можно сказать о политической стачкѣ то же самое, что Марксъ въ 1852 г. писалъ о вооруженномъ возстаніи:

„Возстаніе есть совершенно такое же искусство, какъ война или всякое другое искусство; оно подчиняется извѣстнымъ правиламъ, пренебреженіе которыми приводитъ къ гибели вино-

вную въ этомъ партію. Во первыхъ, никогда не слѣдуетъ затѣвать возстанія, если не рѣшились справиться со всѣми послѣдствіями этой затѣи. Возстаніе есть уравненіе съ очень неопредѣленными величинами, значеніе которыхъ можетъ измѣняться каждый день; силы, съ которыми приходится вести борьбу, имѣютъ всѣ преимущества организаціи, дисциплины и обычнаго авторитета вполнѣ на своей сторонѣ; если имъ нельзя противопоставить достаточно крѣпкую силу, результатомъ будетъ пораженіе и гибель. Во-вторыхъ, разъ возстаніе начато—нужно дѣйствовать съ величайшей рѣшительностью и взять въ свои руки инициативу нападенія. Оборона—смерть для всякаго вооруженнаго возстанія; при ней возстаніе обречено на гибель, даже не помѣрявшись силами съ врагомъ. Слѣдуетъ нападать на врага врасплохъ, пока его силы разрознены, и каждый день добиваться все новыхъ успѣховъ, хотя бы и незначительныхъ, необходимо сохранять моральный перевѣсъ, достигнутый первой удачей, привлекать на свою сторону тѣ колеблющіеся элементы, которые всегда повинуются наиболѣе сильному толчку и всегда стоятъ за имѣющую больше шансовъ на побѣду сторону, необходимо принудить врага къ отступленію, прежде чѣмъ онъ успѣетъ стянуть свои силы; словомъ, какъ сказалъ Дантонъ, величайшій изъ извѣстныхъ до настоящаго времени мастеровъ революціонной тактики: смѣлость, смѣлость и еще разъ смѣлость. („Революція и контръ-революція въ Германіи“ стр. 112).

Mutatis mutandis это также справедливо и по отношенію къ политической стачкѣ. Съ ней нельзя играть,—нельзя обязаться осуществить ее въ заранѣе назначенный день; когда же наступаетъ подходящій моментъ, когда рабочія массы ее настойчиво требуютъ, и борьба съ правительствомъ разгорается, тогда побѣда тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ быстрѣе за рѣшеніемъ начать стачку, слѣдуетъ ея осуществленіе, но безъ замедленій, безъ лишнихъ переговоровъ, прежде чѣмъ противникъ успѣетъ собрать свои силы и намѣтить свой военный планъ; эта побѣда тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ меньше времени она даетъ врагу, чтобы опомниться и свободно вздохнуть.

Въ этомъ отношеніи бельгійская стачка въ апрѣлѣ 1902 г. показала намъ, какъ не слѣдуетъ ее дѣлать.

Сначала борьба съ правительствомъ на жизнь и смерть была объявлена на опредѣленный день, а затѣмъ, когда оно, имѣя въ своемъ распоряженіи достаточно времени, успѣло собраться съ силами и вооружиться, стянуть свои боевыя силы

въ полной боевой готовности—послѣ этого начали всеобщую забастовку.

Мы далеки отъ мысли упрекать бельгійскихъ товарищей за эти ошибки. Несмотря на ошибки, они такъ мужественно боролись и въ такомъ порядкѣ отступили, что этимъ, насколько было возможно, исправили эти ошибки. И притомъ наблюдателю всегда легче открыть ошибки, чѣмъ дѣйствующему избѣжать ихъ. Но наше желаніе не дѣлать нашимъ бельгійскимъ товарищамъ упрековъ не должно заходить такъ далеко, чтобы прикрывать ихъ ошибки; иначе намъ грозитъ опасность повторить ихъ. У насъ нѣтъ никакого основанія порицать нашихъ бельгійскихъ товарищей, мужественно вступившихъ на такой незнакомый и тернистый путь, но мы должны у нихъ учиться, чтобы не пойти вновь невѣрнымъ путемъ, который далеко заведетъ насъ отъ пути успѣха.

Если примѣръ бельгійской стачки поучителенъ, мы придемъ къ убѣжденію, что для насъ, въ Германіи, было бы роковой ошибкой объявить политическую стачку на опредѣленный моментъ, какъ напримѣръ, въ случаѣ ограниченія избирательнаго права въ рейхстагъ.

Противъ такого установленія срока говоритъ еще другое обстоятельство. И здѣсь мы можемъ указать снова на сходство между политической стачкой и баррикадной борьбой.

Изъ чего бы не исходила баррикадная борьба, она всегда основана на стремленіи низвергнуть господствующее правительство, а не вырвать у него какую нибудь единичную уступку. И это было весьма естественно. Въ баррикадной борьбѣ на карту ставится жизнь. А ею рискуютъ только для великихъ цѣлей. Только сознаніе возможности сбросить ставшее невыносимымъ иго можетъ влить въ массы храбрость и воодушевленіе, необходимыя, чтобы броситься на вооруженнаго врага.

Но поколебать его возможно только тогда, когда онъ начинаетъ ощущать, что господствующій режимъ уже рушится. Пока солдатъ зналъ, что и завтра у него останется то же начальство, что и сегодня, даже если его возмущеніе на мгновеніе будетъ имѣть успѣхъ, онъ все таки не могъ не опасаться нарушенія дисциплины, потому что ему неизбѣжать было жестокой кары. Его могло поколебать лишь сознаніе, что его переходъ на сторону народа, или даже его пассивность, поможетъ ниспровергнуть правительство, и нарушеніе дисциплины изъ преступленія превратится въ актъ высшей гражданской доблести.

Наконецъ, правительство теряло окончательно голову только тогда, когда оно замѣчало, что каждый фальшивый шагъ его, какъ въ сторону послабленія, такъ и въ сторону безпощадныхъ дѣйствій, грозилъ ему не только потерей большей или меньшей части его власти или престижа, но и всему его существованію.

Такія же соображенія примѣнимы и къ политической стачкѣ. И здѣсь ставится на карту крупная ставка; каждый изъ борцовъ рискуетъ, если и не самой жизнью, то всѣмъ своимъ экономическимъ положеніемъ въ гораздо большей степени, чѣмъ при обычной стачкѣ, когда за спиной пострадавшихъ одной какой-нибудь отрасли данной мѣстности стоятъ всѣ рабочіе, располагающіе своими крѣпкими организаціями и средствами помощи. Крушеніе политической стачки, если борьба ведется до послѣдней степени напряженія, означаетъ пораженіе всего рабочаго класса, уничтоженіе всѣхъ его экономическихъ и политическихъ организацій и полную утрату имъ способности къ борьбѣ на цѣлые годы.

На послѣднемъ вѣнскомъ партейтагѣ Викторъ Адлеръ высказалъ мнѣніе, что онъ началъ больше симпатизировать всеобщей стачкѣ съ тѣхъ поръ, какъ „славное отступленіе" бельгійскихъ товарищей показало, что разумно и обдуманно ведущаяся стачка можетъ быть доведена до конца. Судя по общему характеру его рѣчи, Адлеръ, очевидно, хотѣлъ сказать этимъ замѣчаніемъ, что не только можно довести стачку, разумно и разсчетливо руководя ею, до побѣды, но ее можно также прервать, не терпя пораженія, когда невозможность побѣды становится очевидной. Этой послѣдней возможности я не очень довѣряю. Генералъ, начинающій битву въ надеждѣ, что онъ можетъ каждую минуту прервать ее, если узнаетъ, что врагъ сильнѣе, чѣмъ онъ ожидалъ, можетъ сдѣлать очень плохой опытъ. Кто начинаетъ битву, долженъ быть готовымъ довести ее до рѣшительнаго конца и долженъ всегда считаться съ возможностью пораженія. Во всѣхъ начинаемыхъ нами серьезныхъ дѣйствіяхъ отъ насъ зависитъ только начало ихъ. Какой оборотъ они примутъ впослѣдствіи зависитъ не только отъ насъ, но и отъ нашего противника.

Но возможность пораженія не должна удерживать насъ отъ борьбы. Плохъ тотъ воинъ, который рѣшается на бой только тогда, когда побѣда ему заранѣе обезпечена. Бываютъ даже такіе моменты, когда нужно принять сраженіе, хотя оно и обѣщаетъ пораженіе, такъ какъ отступленіе безъ борьбы было бы равносильно полному моральному банкротству.

Но чѣмъ пагубнѣе послѣдствія возможнаго пораженія, тѣмъ больше должно остерегаться безъ крайней нужды вступать въ борьбу, тѣмъ важнѣе должна быть добыча, изъ за которой она начинается.

Съ другой стороны, при массовой стачкѣ, какъ и при баррикадной борьбѣ, правительство тѣмъ скорѣе теряетъ голову, чѣмъ больше угрожающая ему опасность, и справедливость этого по отношенію къ режиму, расшатанному и разлагающемуся, не требуетъ доказательства. А только о такомъ режимѣ можетъ итти рѣчь. Правительство, дѣйствующее цѣлесообразно, единодушно, твердо, связанное съ массами населенія, еще болѣе усиливается во время опасности. И до сихъ поръ еще не найдено метода, какъ низвергнуть такое правительство.

Правительственный механизмъ тѣмъ скорѣе приходитъ въ безпорядокъ, чѣмъ больше и сильнѣе опасность, угрожающая правительству. Это показало состояніе войска во время баррикадной борьбы, это же справедливо и относительно государственныхъ наемныхъ рабочихъ. Мы уже указали выше на желѣзнодорожныхъ рабочихъ, еще болѣе другихъ рабочихъ слоевъ заинтересованныхъ въ введеніи пролетарскаго режима. Но именно они и рискуютъ больше всѣхъ, если стачка не окончится побѣдой и правительство останется на старомъ положеніи. И даже временная побѣда можетъ послужить для нихъ причиной пораженія въ дальнѣйшемъ, если результатомъ ея является не измѣненіе правительственнаго режима въ пролетарскомъ духѣ, а лишь частичныя уступки. Это показала голландская стачка.

Въ большей части странъ желѣзнодорожные рабочіе должны будутъ, раньше чѣмъ примкнуть къ политической стачкѣ, хорошенько обсудить, приведетъ ли стачка къ господству пролетаріата въ правительствѣ.

То же самое можно сказать и по отношенію къ другимъ массамъ, въ которыхъ нуждается правительство, чтобы его механизмъ могъ функціонировать.

Въ этомъ мы также имѣемъ основаніе искать причину крушенія послѣдней бельгійской генеральной стачки. Желѣзнодорожные служащіе и рабочіе, солдаты и т. д., конечно, охотнѣе примкнули бы къ стачкѣ, если бы заранѣе были увѣрены, что ея успѣхъ поставитъ на мѣсто ультромонтанскаго правительства министерство Анзеле-Вандервельде.

Гдѣ соціалдемократія недостаточно сильна и готова, въ случаѣ побѣды, взять въ свои руки кормило правленія, тамъ шансы политической массовой стачки очень неважны.

Если справедливы всѣ сдѣланныя нами здѣсь замѣчанія, то мы должны притти къ заключенію, что массовая политическая стачка при извѣстныхъ условіяхъ можетъ сослужить превосходную службу, но для успѣшнаго проведенія ея еще не наступило время. Она не представляетъ ни повелительнаго средства для того, чтобы вырвать отдѣльныя уступки у господствующихъ классовъ и также не даетъ пролетаріату возможности обезпечить за собой при какихъ бы то ни было условіяхъ всѣ добытыя политическія свободы и права.

Но тамъ, гдѣ у пролетаріата отняты его легальныя средства политической борьбы, гдѣ онъ политически можетъ потерять мало, а выиграть безконечно много, если политическая стачка начинается при благопріятныхъ условіяхъ, при плохо вооруженномъ или находящемся въ крайнемъ стѣсненіи правительствѣ, тамъ политическая массовая стачка можетъ послужить для пролетаріата рѣшительнымъ средствомъ въ схваткѣ изъ за политической власти. Такая стачка дѣйствительно революціонное средство и, какъ таковое, умѣстно только въ революціонную эпоху, когда борьба ведется не за отдѣльныя права,—будь это избирательное право или право союзовъ, или вообще что либо подобное,—это средство умѣстно только въ борьбѣ за всю политическую власть.

Если политическая стачка не умѣстна при условіяхъ переживаемаго нами момента, то возникаетъ вопросъ, представляетъ ли она вообще средство, примѣненіе котораго необходимо при тѣхъ или иныхъ обстоятельствахъ. Мы уже видѣли, что невозможно предвидѣть формы грядущей борьбы за политическую власть; событія заграницей,—какъ на таковыя мы уже указали на бельгійское возстаніе, несчастную войну Россіи, гражданскую войну въ Соединенныхъ Штатахъ,—могутъ оказать такое воздѣйствіе на Германію, что завоеваніе политической власти въ послѣдней можетъ совершиться мирнымъ путемъ, безъ всякой катастрофы. Съ другой стороны, сила и средства сопротивленія, уже теперь находящіяся въ распоряженіи пролетаріата и продолжительность ихъ дѣйствія еще не подвергались крайнимъ испытаніямъ и, наконецъ, будущее можетъ принести еще много неожиданнаго.

И потому нѣтъ ничего болѣе преждевременнаго, какъ взять на себя обязательство выступить съ массовой политической забастовкой, указавъ, въ какихъ случаяхъ это будетъ сдѣлано. Но у насъ нѣтъ ни малѣйшей причины удариться и въ другую крайность. Я вполнѣ согласенъ съ Адлеромъ, когда онъ въ своей уже цитированной нами рѣчи говоритъ: „я не стою за то, чтобы успокаивать нашихъ противниковъ, будто они избавлены отъ опасности генеральной стачки. Этимъ мы только будемъ питать въ нихъ опасныя иллюзіи. Отъ генеральной стачки мы не хотимъ отказаться. Но когда и какъ она произойдетъ—зависитъ отъ обстоятельствъ.

5) Споры о политической стачкѣ.

Если мы не можемъ еще сказать чего-либо опредѣленнаго о примѣненіи въ будущемъ политической стачки, то какой же смыслъ обсуждать этотъ методъ борьбы, къ примѣненію котораго мы, можетъ быть, и не придемъ, и если этотъ методъ въ необходимый моментъ вліяетъ тѣмъ энергичнѣе, чѣмъ неожиданнѣе онъ примѣняется? Не значитъ ли это, съ одной стороны, высиживать еще неснесенныя яйца, а, съ другой, раскрывать преждевременно противникамъ свои карты?

Ломать себѣ голову надъ будущимъ безсмысленно только въ томъ случаѣ, если наши нынѣшнія дѣйствія не могутъ вліять на будущее, и если наши воззрѣнія на будущее не могутъ оказать вліянія на нашу настоящую дѣятельность. Но тамъ, гдѣ такое взаимное вліяніе существуетъ, изслѣдованіе будущаго нетолько дозволительно, но и обязательно. Если примѣненіе въ будущемъ массовой политической стачки не безусловно необходимо, то оно еще менѣе безусловно исключается. Мы и должны открыто обсуждать вопросъ о всеобщей стачкѣ именно для того, чтобы массовая стачка могла сказать вліяніе, не была подготовлена какой нибудь сравнительно слабой организаціей къ опредѣленному моменту, какимъ-нибудь бунтомъ, а самопроизвольнымъ взрывомъ глубокаго общаго гнѣва пролетаріата. Если баррикадные бои 1848 г. возникали стихійно и, увлекая за собой населеніе, привели къ успѣшному концу, то это было возможно только потому, что практика вооруженнаго возстанія многихъ десятковъ лѣтъ, начиная отъ штурма Бастиліи, пріучила народъ къ этому методу борьбы. Но подобная форма обученія борьбѣ

въ настоящее время и не нужна и не желательна. Современный уровень политическихъ правъ даетъ намъ возможность открыто предъ всѣмъ міромъ теоретически обсуждать наши средства политической борьбы, что до 1848-го года было невозможно. Мы можемъ путемъ такой дискуссіи перенести до нѣкоторой степени необходимость такого обученія изъ области практики—въ область теоріи, и мы были бы большими глупцами, если бы не сдѣлали этого. Современныя формы демократіи не дѣлаютъ излишней, какъ это думаютъ ревизіонисты, великую рѣшительную борьбу классовъ за политическую власть. Но онѣ устраняютъ огромную часть богатыхъ жертвами неудачныхъ попытокъ вызвать рѣшительный бой до надлежащаго времени, до того момента, когда возвышающіеся классы окрѣпнутъ и созрѣютъ для того, чтобы фактически взять въ свои руки политическую власть и съ успѣхомъ воспользоваться ею. Если же мы хотимъ избѣжать экспериментовъ съ политической стачкой, то мы тѣмъ болѣе должны развить ея теорію и ознакомить съ ней нашихъ товарищей, ибо когда дѣло дойдетъ до того, что пролетаріатъ долженъ будетъ взяться и возьмется за оружіе политической стачки, послѣдняя будетъ лишь въ томъ случаѣ цѣлесообразно примѣнена, если о ней будетъ ясное представленіе еще до ея примѣненія.

Но открытое обсужденіе политической стачки не только необходимое средство, замѣняющее школу практическихъ опытовъ; оно можетъ также имѣть весьма цѣнное вліяніе на нашу политическую жизнь.

Какъ раньше, такъ и теперь остается справедливымъ выраженіе Маркса, что сила является акушеромъ при рожденіи каждаго новаго общества. Никакой господствующій классъ не уступаетъ добровольно безъ принужденія своего мѣста. Но это еще не значитъ, что акушеромъ новаго общества должно быть насиліе. Выдвигающійся классъ долженъ обладать необходимой силой, если онъ хочетъ лишить власти старый господствующій классъ, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что неизбѣжно придется *примѣнять* эту силу. При извѣстныхъ условіяхъ можетъ оказаться достаточнымъ сознанія, что такія силы существуютъ, чтобы заставить находящійся въ упадкѣ классъ пойти на уступки передъ превосходными силами противника.

Чѣмъ больше могущественныхъ средствъ находится въ распоряженіи пролетаріата, чѣмъ шире распространено пониманіе ихъ, тѣмъ вѣроятнѣе возможность мирнаго перехода отъ капитализма къ соціализму. Насколько вообще достижимъ подобный родъ соціальной революціи, это не зависитъ отъ нашихъ миролюбивыхъ завѣреній, отъ отказа отъ „людоѣдскихъ традицій“ (fresslegende), не зависитъ также отъ нашихъ обѣщаній и уступокъ, которыя или не будутъ серьезно приняты, такъ какъ ихъ сочтутъ лицемѣріемъ, или будутъ ложно истолкованы, какъ признакъ страха, и укрѣпятъ нашихъ противниковъ въ упорномъ нежеланіи дѣлать намъ какія либо существенныя уступки. Только нашимъ могуществомъ мы можемъ импонировать нашимъ противникамъ и заставить ихъ искать мирнаго соглашенія съ нами, желательнаго также и для насъ, если только оно не опасно для освобожденія рабочаго класса и не влечетъ за собой его замедленія. Старая пословица „если хочешь мира готовься къ войнѣ“—примѣнима здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ либо.

Если въ результатѣ нашей дискуссіи мы придемъ къ выводу, что политическая стачка, хотя и обоюдо-острое, примѣнимое только въ крайнихъ случаяхъ оружіе, но всегда опасное и для нашихъ противниковъ; что при извѣстныхъ обстоятельствахъ оно дѣйствуетъ уничтожающимъ образомъ; если мы при этомъ найдемъ, что вѣроятность примѣненія этого оружія въ концѣ концовъ тѣмъ болѣе усиливается, чѣмъ болѣе отнимаютъ или суживаютъ другія доступныя намъ средства политической борьбы, тогда эти выводы даютъ намъ возможность укрѣпить нашу позицію въ дѣлѣ сохраненія нашихъ политическихъ правъ и предотвращенія политическихъ катастрофъ.

Конечно, и въ этомъ случаѣ не слѣдуетъ возлагать черезчуръ большихъ упованій на мирное развитіе. Когда меня подстерегаетъ разбойникъ и я вынужденъ застрѣлить его, то грозящая мнѣ опасность во всякомъ случаѣ слабѣе, если я свой револьверъ не прячу въ карманъ, а даю его разбойнику замѣтить, чтобы онъ не считалъ меня безоружнымъ. И съ этой точки зрѣнія можно рекомендовать открытую дискуссію вопроса о политической стачкѣ.

Наконецъ, это столь же необходимо и въ интересахъ нашей партіи. Всѣ споры послѣднихъ лѣтъ въ нашихъ рядахъ возникаютъ потому, что чувствуется, что, если мы будемъ держаться такой же тактики, какъ сейчасъ, и ряды наши будутъ такъ же усиливаться, то это поведетъ насъ къ рѣшительному столкновенію съ господствующими классами. Если мы при этомъ не владѣемъ никакимъ другимъ политическимъ оружіемъ кромѣ того, которое дано намъ самими этими классами, именно всеобщаго

избирательнаго права, то конечно наши виды на будущее довольно плохи. Тогда намъ слѣдуетъ найти, не медля, новую тактику, которая или отодвинетъ на сотни лѣтъ рѣшительную борьбу, или превратится въ безконечный рядъ не имѣющихъ значенія ничтожныхъ схватокъ, или на прудоновскій манеръ постарается обойти объектъ борьбы—политическую власть. Во всѣхъ этихъ попыткахъ избѣжать врага или заслужить его добрый отзывъ заключается опасность пожертвовать ради существованія партіи всѣмъ тѣмъ, что составляетъ основу и оправданіе этого существованія и, благодаря этому, лишить партію людей и повести ее къ постепенному уничтоженію.

Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло, если въ пролетаріатѣ живетъ сознаніе, что онъ владѣетъ цѣлымъ рядомъ средствъ, примѣненіе которыхъ совершенно не зависитъ отъ добраго желанія господствующхъ классовъ, и что эти средства дадутъ ему въ концѣ концовъ достаточно силъ, чтобы побѣдить своихъ враговъ; даже тогда, когда послѣдніе обратятся къ самымъ звѣрскимъ мѣрамъ, онъ пойдетъ съ прежнимъ спокойствіемъ по тому правильному пути, по которому онъ двинулся уже такъ далеко, и не поддастся интриганамъ, провокаторамъ, которые охотно утопили бы пролетаріатъ въ его собственной крови; но пролетаріатъ также не устрашатъ предупрежденія его боязливонастроенныхъ друзей, которые желаютъ ему побѣды, но пугаются его борьбы.

Самымъ дѣйствительнымъ средствомъ развить въ пролетаріатѣ это возвышающее и закаляющее чувство силы и увѣренности въ побѣдѣ, можетъ по моему мнѣнію служить распространеніе сознанія—возможности и пригодности политической стачки.

И изслѣдованіе возможности и методовъ этой стачки такъ необходимо для насъ, именно, въ виду этого неоцѣнимаго ея вліянія.

IV. С.—Д. и С.—Р. въ Россіи *).

Изъ всѣхъ разногласій, происходящихъ въ настоящее время между революціонными партіями Россіи, самыми глубокими и существенными являются разногласія между соціалъ-демократами различныхъ организацій и направленій („Искра," „Впередъ," „Бундъ," Латышская С. Д. и С. Д. Польши и Литвы), съ одной стороны и соціалистами-революціонерами террористами, съ другой.

Тотчасъ послѣ гапоновскаго воззванія „Vorwärts" помѣстилъ (30 марта) помѣченное апрѣлемъ 1881 года письмо Карла Маркса къ дочери, въ которомъ говорится о русскихъ террористахъ того времени. „Vorwärts" заимствуетъ это письмо изъ „Vie Socialste" и снабжаетъ его комментаріями въ своей исторической части, почерпнутыми изъ того же журнала.

Отъ себя же онъ прибавляетъ къ этому слѣдующую фразу.

*) Партійныя разногласія русской соціалдемократіи, отчасти уже изжитыя ею, вызвали среди нѣмецкихъ товарищей живой обмѣнъ мыслей и породили множество статей въ германской соціалдемократической литературѣ за 1904-5 годы. Карлъ Каутскій со свойственными ему глубиной и тщательностью анализа въ короткой журнальной статьѣ въ Neue Zeit далъ оцѣнку этимъ разногласіямъ, охвативъ вопросъ значительно шире другихъ авторовъ. Съ прозорливостью стараго политика-борца онъ увидѣлъ, что „борьба противъ общаго врага и быстрая смѣна политическихъ положеній уничтожитъ самый объектъ спора и возстановитъ единство соціалдемократической партіи", и разногласія онъ видѣлъ не между отдѣльными фракціями с.-д., а между послѣдними и с.-р.

Этому вопросу и посвящена предлагаемая статья, переведенная съ нѣкоторыми сокращеніями. *Прим. Ред.*

„Въ немногихъ строкахъ Карлъ Марксъ исчерпалъ здѣсь все, что вообще можетъ быть сказано по вопросу о русскомъ терроризмѣ.“

Болѣе всѣхъ былъ бы изумленъ этимъ сужденіемъ самъ Карлъ Марксъ, если бы могъ прочитать его. Что говорится въ письмѣ?

Во первыхъ, констатируется фактъ, что люди, совершившіе въ Петербургѣ покушеніе на Александра II—„люди, выдающейся энергіи и рѣшимости безъ мелодраматической позы.“

Совершенно вѣрно. И это вѣрно въ настоящее время не по отношенію къ террористамъ только, а ко всей массѣ русскихъ революціонеровъ, къ какому бы направленію они ни принадлежали. Но поэтому самому здѣсь не говорится еще ровно ничего по вопросу о русскомъ терроризмѣ. Также несомнѣнно вѣрно и второе замѣчаніе Маркса, что тактика террористовъ „специфически русская тактика,“ бывшая „исторически неизбѣжной.“ Этого, насколько мнѣ извѣстно, никто и не отрицалъ. Но этимъ замѣчаніемъ Марксъ лишь формулируетъ свое отношеніе къ русскому терроризму, но нисколько не исчерпываетъ „всего, что вообще можетъ быть сказано о послѣднемъ.“ А такъ какъ кромѣ этого въ письмѣ нѣтъ ровно ничего о русскомъ терроризмѣ, то вышеприведенную оцѣнку „немногихъ строкъ“ можно понять лишь въ качествѣ выраженія такого отчаяннаго „марксизма,“ до какого никогда не поднимался ни одинъ „наиортодоксальнѣйшій“ изъ марксистовъ. Но изъ оцѣнки Vorwärts'a, видно также и то, что для него и въ данный моментъ вопросъ о русскомъ терроризмѣ остался совершенно тѣмъ-же, чѣмъ онъ былъ четверть вѣка тому назадъ. Иначе вѣдь никакое, даже самое полное, многотомное научное изслѣдованіе—не говоря уже о „немногихъ строкахъ“— не могло въ 1881 году дать исчерпывающій отвѣтъ на вопросъ о русскомъ терроризмѣ 1905 года.

Попрсбуемъ же сами поискать не исчерпывающаго, конечно, а хоть краткаго отвѣта на вопросъ о спеціально русскихъ причинахъ русскаго терроризма.

Является ли такой причиной абсолютизмъ самъ по себѣ? Нѣтъ, конечно. Весь европейскій континентъ былъ подъ властью абсолютизма въ теченіе XVIII вѣка, а Австрія и Пруссія даже и въ первой половинѣ XIX, но террористической тактики борющіеся съ абсолютизмомъ классы не развили.

Но отъ абсолютизма, господствовавшаго въ Западной Европѣ, русскій абсолютизмъ отличается самымъ существеннымъ образомъ: это абсолютизмъ восточный. Первый основывался на равновѣсіи между сильной, стремившейся къ политическому вліянію буржуазіей и феодальнымъ дворянствомъ, соперничество которыхъ дѣлало королевскую власть третейскимъ судьей и господиномъ надъ обоими. Второй—восточный абсолютизмъ—опирается на отсутствіе буржуазіи, преобладаніе земледѣлія, раздробленность народа на безчисленныя деревенскія общины, ничѣмъ между собою не связанныя и потому совершенно безсильныя предъ центральной государственной властью, безконтрольно распоряжающейся всѣми огромными средствами, доставляемыми государствомъ и возрастающими вмѣстѣ съ расширеніемъ его предѣловъ.

Въ XVIII вѣкѣ этотъ абсолютизмъ пришелъ въ болѣе тѣсное соприкосновеніе съ западно-европейскимъ и тотчасъ же усвоилъ его орудія господства: бюрократію, армію, флотъ и соотвѣтствующую всему этому технику. Но для всего этого русскому абсолютизму пришлось создать также классъ образованныхъ людей, который, переросши свою азіатскую среду, немедленно усвоилъ себѣ всѣ взгляды и потребности европейской интеллигенціи. Эти взгляды и потребности вліяли до извѣстной степени и на правящія сферы, которыя до поры до времени усматривали въ этомъ лишь пользу.

Но когда интеллигенція, численно разростаясь, начала все болѣе и болѣе превращаться въ классъ, стоящій внѣ правительственныхъ сферъ и проявляющій антагонизмъ къ этимъ послѣднимъ, между правительствомъ и интеллигенціей началась борьба, которая, все болѣе обостряясь, дѣлала интеллигенцію все революціоннѣе, а правительство все болѣе реакціоннымъ.

Но до восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія интеллигенція была одинока въ этой борьбѣ, она не находила никакого другого класса, на который могла бы опереться. Рядомъ съ ней не было ни сильной самостоятельной, ни мелкой оппозиціонной буржуазіи. Въ западной же Европѣ, со временъ англійской и французской революціи до средины прошлаго вѣка, именно этотъ классъ составлялъ ядро революціонныхъ слоевъ народа. Въ Россіи низшій слой горожанъ представлялъ изъ себя въ большинствѣ случаевъ лишь оторванныхъ отъ своей среды крестьянъ, потерявшихъ ту опору, которую они имѣли въ своемъ деревенскомъ мірѣ и общинномъ землевладѣніи. Крестьянинъ стоялъ выше

мелкаго буржуа, но его демократическія и коммунистическія учрежденія и инстинкты не выходили за предѣлы деревенской общины. Политическая демократія была русскому крестьянину совершенно непонятна и не интересовала его.

Послѣ многихъ неудавшихся попытокъ демократической пропаганды русская интеллигенція поняла свое положеніе и убѣдилась, что не можетъ противопоставить абсолютизму никакой силы, кромѣ своей собственной. Но съ ней одной побѣда надъ могуществомъ современной государственной власти была невозможна. Такимъ образомъ, для интеллигенціи единственной формой борьбы сталъ терроръ, устрашеніе, борьба единичныхъ героевъ, ставившихъ на карту собственную жизнь, чтобы грозить смертью носителямъ государственной власти.

Таковъ былъ корень, изъ котораго выросла „исторически-неизбѣжная, специфически русская“ тактика террористовъ.

Въ связи съ этой тактикой стояли также и особенности ихъ соціалистическихъ воззрѣній. Въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ и потребностяхъ русская интеллигенція находилась, какъ мы видѣли, въ полнѣйшей зависимости отъ Запада. Къ тому времени, когда назрѣвало террористическое движеніе, либерализмъ въ западной Европѣ уже утратилъ свою революціонность и превратился въ силу охранительную. Здѣсь оставалась только одна революціонная сила—соціаль-демократія. Это отозвалось на русскихъ революціонерахъ, которые, минуя либерализмъ, сразу уже становились соціалистами. Но гдѣ искать въ странѣ, такъ сильно отставшей въ своемъ экономическомъ развитіи, точку опоры для переустройства общества въ духѣ соціализма? Развитой крупной промышленности, которая могла бы представить такую точку опоры, не существовало, и русскіе революціонеры въ общинномъ землевладѣніи—этомъ въ современной Европѣ „специфически русскомъ“ учрежденіи - усмотрѣли равноцѣнную замѣну крупной промышленности. Такъ учили народники, теорія которыхъ легла въ основу террористической агитаціи „Народной Воли“

Крестьянскій соціализмъ русскихъ революціонеровъ былъ также „исторически неизбѣженъ,“ какъ ихъ террористическая борьба противъ правительства. Но неизбѣжность нисколько не обезпечиваетъ успѣшности. Всѣ политическія направленія и стремленія каждой данной эпохи „исторически неизбѣжны,“ но старый укладъ жизни побѣждается лишь частью этихъ стремле-

ній. Другая часть должна исчезнуть, не добившись успѣха, такъ же неизбѣжно, какъ неизбѣжно она возникла.

24 года тому назадъ нельзя было, однако, съ увѣренностью утверждать, что русская община въ ея своеобразіи не можетъ сдѣлаться исходнымъ пунктомъ для современнаго соціализма. Общество, какъ цѣлое, не можетъ перескочить ни одной изъ стадій своего развитія, но это возможно для его отдѣльныхъ отсталыхъ частей: онѣ могутъ миновать эти стадіи, приспособиться къ другимъ опередившимъ ихъ частямъ.

Для русскаго общества была возможность миновать капиталистическую стадію и отъ стараго коммунизма перейти непосредственно къ новому. Но для того, чтобы эта возможность могла осуществиться, необходимо было, чтобы въ остальной Европѣ соціализмъ достигъ побѣды въ ту эпоху, когда русская деревенская община еще была живой силой. Въ началѣ 80-хъ годовъ это могло еще показаться возможнымъ. Но уже въ слѣдующемъ десятилѣтіи полная невозможность такого перехода выянилась вполнѣ. Западно-Европейская революція подвигалась медленнѣе, а русская община разлагалась скорѣе, чѣмъ это казалось вѣроятнымъ въ началѣ 60 хъ годовъ. Этимъ рѣшался вопросъ о специфическихъ особенностяхъ Россіи, на почвѣ которыхъ и возникъ терроризмъ и соціализмъ „Народной Воли.“ Чтобы достигнуть соціализма, Россія, какъ оказалось, должна пройти тотъ же путь капиталистическаго развитія, какимъ идетъ Западная Европа. Какъ здѣсь, такъ и тамъ, соціализмъ долженъ вырости изъ крупной промышленности. И лишь пролетаріатъ является революціоннымъ классомъ, который только одинъ и въ состояніи вести сознательную и продолжительную борьбу противъ абсолютизма.

Что террористическая тактика „Народной Воли“ не въ состояніи, сама по себѣ, свергнуть абсолютизмъ, выяснилось вскорѣ послѣ того (апр. 1881 г.), какъ было написано письмо Маркса. Убійство Александра II 1-го марта 1881 г. было высшимъ пунктомъ террористическихъ успѣховъ того времени. Чего большаго могли они достигнуть послѣ устраненія царя? Но и послѣ этого общество осталось неподвижнымъ. Ни одинъ классъ не сталъ на защиту безстрашныхъ борцовъ, которымъ пришлось, въ силу этого, изойти кровью въ неравной борьбѣ.

Марксъ не дожилъ до этого, онъ умеръ какъ разъ въ то время, когда такой исходъ сдѣлался очевиднымъ. Въ 1883 году

въ Россіи зародилось новое направленіе, которое старалось дать новое основаніе русскому революціонному движенію.

Промышленный капитализмъ и промышленный пролетаріатъ существовали въ Россіи съ шестидесятыхъ годовъ, но вначалѣ этотъ пролетаріатъ не былъ проникнутъ классовымъ самосознаніемъ и подобно мелкой городской буржуазіи представлялъ изъ себя тѣхъ же оторванныхъ отъ земли крестьянъ, со свойственной имъ ограниченностью, но безъ той силы, которую даетъ крестьянину соприкосновеніе съ родной землей.

Въ 80-хъ годахъ капитализмъ, какъ и пролетаріатъ, начали быстро развиваться въ Россіи. Отдѣльныхъ борцовъ пролетаріатъ поставлялъ уже въ 70-хъ годахъ, но теперь становилось очевиднымъ, что въ его лицѣ встаетъ въ Россіи новый революціонный классъ. Первыми сознали это марксисты, Аксельродъ, Дейчъ, Плехановъ, Вѣра Засуличъ, основавшіе въ 1883 году „Группу Освобожденія Труда,“ опиравшуюся въ теоріи на принципы, общіе съ германской соціаль-демократіей.

Эта группа внесла въ свою программу не только борьбу съ абсолютизмомъ, но и пропаганду и организацію рабочихъ для веденія самостоятельной классовой борьбы. Хотя условія для образованія рабочей партіи были тогда крайне неблагопріятны, но „Группа Освобожденія Труда“ продолжала работу среди пролетаріата, пока, наконецъ, въ 1898 году основалась русская соціалъ-демократія

Это было достигнуто, несмотря на то, что русскимъ соціалъ-демократамъ приходилось одновременно съ организаціей пролетаріата вести непрерывную, энергичную борьбу противъ народниковъ, къ которымъ во время высшаго разцвѣта терроризма они и сами принадлежали. И конечная цѣль и тактика ставили С.-Д. въ противорѣчіе также и съ „соціалистами-революціонерами,“ которые, послѣ исчезновенія стараго террористическаго направленія и усиленія рабочаго движенія, пытались оживить традиціи „Народной воли“ и объединились въ 1901 году въ партію „С.-Р.“

Соціалъ-демократія видитъ въ промышленномъ пролетаріатѣ носителя революціоннаго и соціалистическаго движенія. Но сильный промышленный пролетаріатъ предполагаетъ существованіе развитого капитализма. Соціалъ-демократія разсчитываетъ, слѣдовательно, на капиталистическое развитіе Россіи, считаетъ быстроту этого развитія необходимымъ условіемъ революціи.

Террористы пытались основать соціализмъ на пережиткахъ деревенскаго коммунизма. А это заранѣе предполагало сохраненіе коммунизма, поддержку его старыхъ традицій и тѣсно связаннаго съ нимъ мелкаго крестьянскаго хозяйства. Пристрастіе къ мелкому производству, отвращеніе къ экономическому развитію, разлагающему деревенскій коммунизмъ, желаніе задержать это развитіе порождали среди террористовъ экономически реакціонныя тенденціи и ставили передъ ними экономическія цѣли, противоположныя цѣлямъ соціалъ-демократіи.

Съ другой стороны, терроризмъ вытекалъ, въ сущности, изъ совершенно основательнаго—въ моментъ его возникновенія—недовѣрія къ политической самостоятельности и революціонности народныхъ массъ; изъ убѣжденія, что не дѣйствіемъ этихъ массъ, а лишь геройской рѣшимостью немногихъ лицъ можетъ быть свергнутъ абсолютизмъ. Именно это-то недовѣріе и хотѣли разрушить соціалъ-демократы. Стремясь вызвать движеніе массъ, С.-Д. пропагандировала въ средѣ пролетаріата, что ничто, кромѣ движенія массъ, не можетъ освободить его; что онъ не долженъ разсчитывать ни на какого Мессію; что самый сильный, самоотверженный героизмъ немногихъ личностей не въ состояніи сдѣлать того, что доступно лишь возставшей пролетарской массѣ

Отсюда ожесточенная борьба русскихъ соціалъ-демократовъ сперва съ народниками, а затѣмъ съ соціалистами революціонерами, борьба, являющаяся столь же „специфически русской“ и „исторически неизбѣжной,“ какъ и самый терроризмъ. Эта борьба являлась неизбѣжной и необходимой для того, чтобы русское революціонное движеніе, отбросивъ устарѣвшія формы, поднялось на высшую ступень.

И если теперь этотъ подъемъ совершился и соціалисты побиваютъ абсолютизмъ съ совершенно иной силой и иной увѣренностью въ побѣдѣ, чѣмъ при „Народной Волѣ,“ то этимъ —оставляя въ сторонѣ могучій факторъ экономическаго развитія— мы обязаны русской соціалъ-демократіи и той неустанной критикѣ, которой она подвергала народниковъ и примыкающихъ къ нимъ С.-Р.

Сами С.-Р. не могли избѣжать могучаго воздѣйствія, какъ самаго экономическаго развитія, такъ и пропаганды С-Д., которые, благодаря своему теоретическому оружію, раньше другихъ революціонныхъ группъ поняли и предсказали направленіе этого развитія. Точка зрѣнія стараго „Народовольства“ теперь уже

оставлена всѣми, и современный терроризмъ уже не похожъ на прежній. Ему пришлось приспособиться къ новымъ фактамъ и новымъ ученіямъ и все болѣе и болѣе принимать въ расчетъ классовую борьбу промышленнаго пролетаріата. Но С.-Д., подчеркивая свои разногласія съ С.-Р., не разъ впадали въ пылу полемики въ преувеличенія. Такъ, напримѣръ, когда они противопоставляли дѣйствіе массъ бросанію бомбъ, то не разъ могло казаться, будто они принципіально отвергаютъ всякій террористическій актъ, чего въ дѣйствительности вовсе не было. Когда С.-Д. настаивали на преобладающемъ значеніи привлеченія и организаціи городского пролетаріата и подчеркивали реакціонность экономической тенденціи крестьянской общины, то иной разъ могло казаться, будто они не придаютъ особаго значенія ударамъ, которые въ революціонное время можетъ нанести абсолютизму крестьянское возстаніе,—но и это, въ дѣйствительности, не соотвѣтствуетъ взглядамъ русской соціалъ-демократіи.

Во всякомъ случаѣ, дѣйствительныя разногласія между с.-д. и террористами теперь не такъ велики, какъ это было лѣтъ 10 или 20 тому назадъ. Тѣмъ не менѣе, они еще достаточно велики, чтобы не допустить объединенія организацій С-Д. съ С.-Р.

Послѣдніе „терпимѣе,“ но это потому, что они до сихъ поръ еще не вышли изъ стадіи постояннаго броженія и еще не выставили вполнѣ опредѣленной программы.

Ихъ ряды открыты самымъ различнымъ направленіямъ, какъ это было когда-то съ нѣмецкими националъ-соціалистами, съ которыми, впрочемъ, я не хочу сравнивать С.-Р. ни въ какихъ другихъ отношеніяхъ. Между С.-Р. мы встрѣчаемъ людей, очень близко стоящихъ къ С.-Д., и рядомъ—элементы, сродные анархистамъ, мелкобуржуазнымъ демократамъ и соціалъ-либераламъ. Такими же неопредѣленными, какъ ихъ границы, остаются и ихъ цѣли и ихъ средства борьбы, но сквозь всю эту неопредѣленность прорывается ихъ противоположность соціалъ-демократическимъ воззрѣніямъ, и не въ теоріи только, но и въ политической практикѣ.

Это сказалось, напримѣръ, нѣсколько времени тому назадъ, когда въ Парижѣ, въ противоположность русскимъ с.-д. организаціямъ, с.-р. заключили союзъ съ либералами *).

*) Рѣчь идетъ о Парижскомъ съѣздѣ нѣкоторыхъ національныхъ организацій и освобожденцевъ, съ которыми с.-р. вступили въ союзъ.

Благодаря этому странному способу выраженія потребности въ объединеніи, пропасть между с.-р. и с. д. значительно увеличилась, за то с.-р. пріобрѣли открытую поддержку Vorwärts'а. Его симпатіями они уже издавна пользовались, но лишь недавно онъ началъ полемику противъ с.-д. организацій за ихъ отрицательное отношеніе къ либерально-соціалистическому союзу. Vorwärts указываетъ на настоятельную необходимость объединенія всѣхъ противниковъ абсолютизма. Разумѣется, нѣтъ ничего желательнѣе такого объединенія, ибо въ единеніи сила, но неужели русскіе с.-д. не знаютъ этого общаго мѣста? На практикѣ всегда возникаетъ вопросъ: для чего объединяться? Нужно ли всѣмъ оппозиціоннымъ теченіямъ объединяться для одного только общаго возгласа: „долой абсолютизмъ!“? Дни Іерихона, къ сожалѣнію, давно прошли.

Съ одними возгласами далеко не уйдешь. Нужно бороться. Но для общей борьбы нужна общая тактика. Созданіе такой тактики является предварительнымъ условіемъ всякаго боевого союза. Если тактика остается различной, объединеніе теряетъ всякое значеніе. Таково значеніе либерально-соціалистическаго „блока,“ не смотря на всѣ восторги Vorwärts'а. Его первымъ и послѣднимъ актомъ было обнародованіе прокламаціи, подписанной различными организаціями. Дальше этого онъ не пошелъ. Вся его дѣятельность ограничилась, слѣдовательно, нѣсколькими фразами.

Да и какъ могли бы, напримѣръ, либералы бороться вмѣстѣ съ с.-р.

Первые опираются въ значительной части на крупныхъ землевладѣльцевъ, с.-р.—отчасти на крестьянъ. Либералы стремятся къ конституціи, обезпечивающей ихъ землевладѣніе, с.-р. хотятъ эти земли захватить. Борьба противъ абсолютизма есть въ то же время борьба классовъ, въ которой каждый классъ борется особымъ способомъ и преслѣдуетъ различныя цѣли *).

Различные классы могутъ при надобности соединяться для опредѣленныхъ дѣйствій; но длительный—и вдобавокъ заграничный—союзъ между ними, заключенный на цѣлый революціонный

*) Когда эти строки уже набирались, мнѣ сообщили изъ Петербурга, что тамъ либеральныя газеты пользуются той тѣнью свободы, которую имѣютъ, для полемики противъ с.-д.

періодъ съ его быстро мѣняющимися положеніями, вещь, можно сказать заранѣе, совершенно безсмысленная.

Кромѣ ненависти къ самодержавію, только одно и объединяетъ организаціи, заключившія союзъ въ Парижѣ, это недовѣріе къ боевой способности русскаго пролетаріата.

Оно воодушевляло либераловъ. Ихъ парижскій представитель, редакторъ „Освобожденія," Петръ Струве былъ прежде соціалъ-демократомъ. Онъ заявляетъ, что и теперь, перейдя къ либераламъ, онъ остался вѣренъ своимъ соціалъ-демократическимъ взглядамъ, что либераломъ онъ сталъ только для Россіи и только потому, что русскій пролетаріатъ не можетъ образовать самостоятельной и способной къ борьбѣ политической партіи.

Соціалистамъ-революціонерамъ недовѣріе къ боевой способности русскаго промышленнаго пролетаріата издавна присуще и, сколько бы ни мѣняли они кожу, оно останется у нихъ въ крови. Наконецъ, присоединившаяся къ союзу польская соціалистическая партія (P. P. S.), хотя и стоитъ на почвѣ классовой борьбы, но только для Польши. Свое отстраненіе отъ русской с.-д. эта партія мотивируетъ именно тѣмъ, что созрѣвшій для революціи польскій пролетаріатъ не долженъ соединяться съ незрѣлымъ русскимъ, который своей отсталостью лишь тормозилъ бы его освободительную борьбу*). Въ этомъ и заключается одно изъ разногласій между P. P. S. и соціалъ-демократіей Польши и Литвы, которая борется, какъ часть всего россійскаго пролетаріата.

Но вскорѣ послѣ того, какъ три вышеназванныя организаціи вмѣстѣ съ нѣсколькими другими, менѣе значительными, и въ союзѣ съ Vorwärts'омъ объявили тактику русской соціалъ-демократіи ошибочной, эта тактика получила блестящее оправданіе въ событіяхъ, послѣдовавшихъ за 9 января и доказавшихъ, что русскій пролетаріатъ представляетъ изъ себя перворазрядную революціонную силу, величайшую изъ всѣхъ имѣющихся въ русскомъ царствѣ. Это не препятствуетъ Vorwätrs'у продолжать выхвалять соціалистовъ-революціонеровъ насчетъ соціалъ-демократовъ, какъ онъ снова дѣлаетъ это въ своей замѣткѣ о Гапонѣ и въ комментаріяхъ къ письму Маркса, такъ какъ выраженное въ нихъ сужденіе Vorwärts'а было бы совершенно безсмысленнымъ, если бы не стремилось внушить намъ, будто Марксъ исчерпывающимъ образомъ доказалъ, что тактика соціалистовъ революціонеровъ является единственно правильной тактикой при русскихъ условіяхъ.

*) На послѣднемъ съѣздѣ P. P. S. эта точка зрѣнія оставлена. *Ред.*

Однако, несмотря на всю сомнительность теоріи соц.—рев. мы, с.-д. должны относиться съ симпатіей къ этимъ борцамъ, представляющимъ значительный слой русской массы и принимающимъ героическое участіе въ совершающейся предъ нашими глазами и создающей новую Россію борьбѣ противъ абсолютизма. Эта историческая задача такъ громадна, а поле борьбы такъ обширно, что на немъ всякая сила дорога и для всякой найдется достаточно мѣста. Гдѣ мы можемъ помочь с.-р. въ борьбѣ противъ абсолютизма, мы должны это сдѣлать. Но мы не имѣемъ ни малѣйшей причины становиться на ихъ сторону въ ихъ конфликтахъ съ с.-д.

Къ счастью, именно въ настоящее время надъ объединеніемъ русскихъ соціалистовъ, поскольку оно возможно, работаютъ силы, неизмѣримо болѣе могучія, чѣмъ мудрыя наставленія заграничныхъ товарищей. Это силы самой революціи, превращающія все болѣе и болѣе работу русскихъ соціалистовъ въ открытыя дѣйствія массъ, при которыхъ разногласія между отдѣльными группами все болѣе и болѣе стираются и вырабатывается единая тактика, а, слѣдовательно, и возможность объединенія организацій.

Чѣмъ незамѣтнѣе развивается движеніе, тѣмъ сильнѣе стремленіе помочь ему новыми тактическими пріемами, тѣмъ больше разногласій относительно этихъ пріемовъ. Чѣмъ меньше размѣры движенія и чѣмъ больше вынуждено оно скрываться, тѣмъ шире развиваются въ немъ несогласія между отдѣльными личностями и тѣмъ сильнѣе могутъ эти несогласія вліять на дѣятельность самой партіи, приводя ее къ разногласіямъ и расколамъ. Узость партіи, медленность ея роста и раздоры въ ея рядахъ идутъ обыкновенно рука объ руку. Но послѣднее явленіе бываетъ не причиной, а слѣдствіемъ первыхъ. Вѣрнѣе будетъ сказать, что партія потому и раскалывается, что она мала и слаба, а не видѣть въ расколѣ причину ея слабости. Но когда партійное движеніе превращается въ открытое движеніе массъ и празднуетъ одну побѣду за другой, разногласія сами собою теряютъ силу и значеніе, и партія въ ходѣ борьбы становится все сплоченнѣе и объединеннѣе, поскольку она, какъ с.-д., опирается на одинаковые классовые интересы. Съ партіей, охва-

тывающей различные и часто антагонистичные классы, какъ большинство буржуазныхъ партій, произойдетъ обратное. Великія революціонныя битвы скорѣе ведутъ ихъ къ расколу, чѣмъ къ объединенію, какъ это показываетъ развитіе партій во время великой французской революціи.

„Блокъ" различныхъ классовъ всего труднѣе сохранить въ цѣлости именно во время революціи.

Мертворожденнымъ былъ и либерально-соціалистическій блокъ с.-ровъ именно потому, что въ двери уже стучалась революція.

Образованіе же соціалъ-демократическаго блока революція, наоборотъ, подвинула впередъ. Изъ Польши и изъ другихъ мѣстъ Россіи сообщаютъ, что послѣднія выступленія с.-д. совершались совмѣстно различными организаціями, раньше враждовавшими между собой.

Это еще ничего не говоритъ о томъ, какъ сложатся отношенія между партіями с.-д. и с.-р. Революціи крѣпко спаиваютъ классовыя партіи и раздробляютъ состоящія изъ различныхъ классовъ.

С.-р. не представляютъ собою чисто пролетарской партіи; они хотятъ представлять интересы всего „трудящагося народа," подъ которымъ они понимаютъ крестьянъ и мелкую буржуазію, какъ и пролетаріатъ. Въ этой партіи революція произведетъ глубокія измѣненія; отъ направленія этихъ измѣненій будетъ зависѣть, приблизится ли она къ с.-д. настолько, чтобы и теперь уже встрѣчающееся въ отдѣльныхъ случаяхъ сотрудничество привело въ концѣ концовъ къ сліянію или, наоборотъ, антагонизмъ между этими партіями только сильнѣе обострится.

Все, что можемъ мы сдѣлать изъ за-границы, будетъ каплей въ морѣ, по сравненію съ тѣми вырвавшимися на просторъ колоссальными силами, отъ которыхъ теперь въ Россіи зависитъ все, въ томъ числѣ и отношенія между отдѣльными партійными организаціями.

Но эти силы дѣйствуютъ съ такой всесокрушающей энергіей въ интересахъ пролетаріата, что мы не имѣемъ ни малѣйшей причины пессимистически смотрѣть на русскія дѣла и толковать о „хаосѣ" въ русской соціалъ-демократіи. Отношенія русскихъ товарищей совершенно ясны тому, кто слѣдитъ за ними съ самаго начала, а революція сама позаботится о томъ, чтобы ихъ

еще болѣе выяснить. Хаосъ въ Россіи господствуетъ не въ рядахъ соціалистовъ, а среди господствующихъ классовъ, въ которыхъ растетъ теперь анархія и борьба всѣхъ противъ всѣхъ. Къ этому хаосу присоединяется еще хаосъ среди глубокихъ народныхъ пластовъ, недавно проснувшихся отъ спячки и рвущихся къ политической жизни, въ особенности среди крестьянъ. И этотъ хаосъ будетъ все расти, но по мѣрѣ его роста будетъ возростать также сила и вліяніе объединеннаго ученіемъ о классовой борьбѣ промышленнаго пролетаріата. И русскій пролетаріатъ будетъ все болѣе и болѣе накладывать свою печать на ту новую Россію, которая возстанетъ изъ хаоса.

